

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ

СССР 2010

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ!

ВПЕРЕДИ СХВАТКА С ЧУДОВИЩЕМ

Фантастический боевик. Новая эра

Алексей Широков

**СССР 2010. Жить стало
лучше, жить стало веселее!**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Широков А. В.

СССР 2010. Жить стало лучше, жить стало веселее! /

А. В. Широков — «Издательство АСТ», 2023 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-157689-9

Семен Чеботарев, по прозвищу Чобот, обжился в СССР образца 2010 года. Завел полезные знакомства, обзавелся связями. Его песни, принесенные из старой реальности, уже поют на концертах, студенты с удовольствием перекусывают шаурмой, а учитель физики в восторге от 3D-принтера. Да и с развитием как энергетика все в порядке, впереди уже маячит новый ранг. И вроде все хорошо у попаданца/регрессора, но впереди схватка с чудовищем страшнее Егеря или Одержимого...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-157689-9

© Широков А. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Широков
СССР 2010. Жить стало
лучше, жить стало веселее!

© Алексей Широков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

– Дорогие товарищи, поздравляю вас с Днем солидарности трудящихся!!! – раздался голос первого секретаря обкома партии Васнецова. – В этот светлый весенний день...

Я с трудом подавил зевок. Даже среди толпы, лучащейся восторгом и энтузиазмом, казенные речи партократов нагоняли на меня скуку и сон. Однако сейчас я был не дома, где мог бы откровенно забить на все, а в Союзе Советских Социалистических Республик образца 2010 года. И да, это был не мой мир, где и Союз уже двадцать лет как развалился, да и я сам помер, правда, в довольно далеком будущем. Ну, относительно, ибо с точки зрения истории тридцать-сорок лет – это ни о чем. Тем более здесь, где существовали некие энергеты, люди, способные оперировать внутренней энергией. С ее помощью они творили чудеса, летали, швырялись огнем и молниями, а какие-то умники вон даже мамонтов возродили.

По случайному стечению обстоятельств я тоже стал Юниором. Это низший ранг энергета, на котором человек еще не умеет исполнять хитрые трюки, но зато может похвастаться богатырским здоровьем и большой физической силой. Впрочем, даже тут мне повезло, и я умудрился отхватить парочку неплохих техник, которые несколько раз спасали мою жизнь. Да, в качестве ложки дегтя мне здесь приходилось рисковать, сталкиваясь с некими демонами. Или, если точнее, с людьми, использующими демонические техники.

Один – Одержимый, человек обратившийся монстром, насилующий и убивавший девушек, послужил причиной моей инициации. От него же в наследство я получил технику «Лягушачьего прыга» и навыки профессионального кодера. Правда, я и в прошлой жизни занимался разработкой приложений, но все-таки миры были разные и здесь большинство компьютеров построено на троичной системе. А воспоминания маньяка позволили мне очень быстро ее освоить.

Вторым оказался бывший сожитель моей матери – Каленый. В прошлой жизни он убил маму, пока я чалился на зоне. Тут мне удалось избежать и того и другого, однако эта паскуда достала уже меня, став Егерем. Ублюдком, который откармливал стаю собак человеческим мясом, делая из зверей монстров. Их я сумел перебить, но и сам при этом словил несколько пуль из нагана. Сам подонок тоже поймал маслину от оперативников из конторы глубокого бурения и пораскинул мозгами в прямом смысле этого слова. Меня же быстренько подлатали, взяли очередную кучу расписок о неразглашении и отправили домой. Я едва успел прийти в себя, а тут и Первомай грянул, пришлось вместе со всеми идти на демонстрацию.

Сказать честно, поначалу я чисто рефлекторно немного опасался большой толпы народа. Все-таки у нас демонстрации были редкостью и чаще всего заканчивались столкновением с полицией. Довелось мне пару раз случайно попадать в места, где очередная внесистемная оппозиция выводила на улицы своих последователей. Правда, та неорганизованная толпа из малолеток, великовозрастных креаклов и прочей соевой шушеры не шла ни в какое сравнение с четкими колоннами, чеканящими шаг. Да и ощущения были совсем другими. Там люди выходили чисто потусовать. Сделать десяток-другой селфи, может быть, побегать от ментов. Потом зачекениться в автозаке. Просто потому, что по приколу. А здесь ощущалась атмосфера праздника.

Я вглядывался в счастливые лица, пытаюсь понять, неужели все, что нам говорили в школе, неправда. В том мире, я имею в виду, где СССР уже развалился и нам рассказывали об ужасах авторитаризма. Как миллионы людей гнали на улицы, а если не пойдешь – лишали премии. И бедные рабочие и крестьяне были вынуждены первого мая тащить опостылевшие транспаранты с лозунгами и фотографии вождей. А их охраняли злобные чекисты, берущие на заметку любого, кто недостаточно сильно радовался. Утрирую, конечно, но главный смысл тот же. Показуха, обязаловка, принудилровка. Но здесь и сейчас я видел совсем другое.

Граждане страны Советов с радостью шли в колоннах и не просто шли, а вели детей, помогали старикам. И те и другие тоже лучились счастьем, размахивая красными флагами. При этом совершенно искренне. Да так, что я тоже в итоге заразился этим настроением, хоть давно считал себя законченным циником, которого не проймешь дешевой пропагандой. Вот только к тому, что она окажется реальностью, жизнь меня не готовила. Так что я просто махнул на все рукой и наслаждался, проникнувшись общим настроением и шагая в одной колонне с одноклассниками.

Серьезно, мне по-настоящему понравилось здесь находиться. Все такие воодушевленные, кричат: «Мир, труд, май!» И самое забавное, верят в эти лозунги. Не знаю, как было в нашей версии Союза, но здесь лозунги еще и делами подкрепляют. Труд действительно в почете, рабочие получают достойные деньги, достаточные, чтобы купить ту же машину, не влезая в кредитную кабалу на десять лет. Или кооперативную квартиру, но тут сложнее, все же недвижимость дешевой никогда не была.

С другой стороны, можно получить жилье от государства или от предприятия, причем неважно, государственное оно или частное. Социальные программы обязаны выполняться компаниями в полном объеме, невзирая на форму собственности. Так что и базы отдыха, и детские сады всегда были в наличии. И никто не жаловался, что прибыль от этого существенно уменьшается. Лучше вместо миллиона получить сто тысяч, чем двадцать лет без права переписки. Как по мне, очень правильная позиция. Гораздо лучше, чем за границей.

Что там творится, я уже знал, можно сказать, из первых рук. Отец Ваньки Шида честно исполнил все, о чем мы с ним договаривались. И пока я дома приходил в себя, мне привезли совершенно новый комп «Сетунь-2010», в топовой конфигурации. Шестиядерный камень с тактовой частотой в четыре гигагерца, восемь гигабайт оперативной памяти, хард на пятьсот двенадцать гигабайт. В целом машина превосходила аналоги этих лет из моего родного мира, а учитывая, что трехбитная система сама по себе была мощнее, превышение по мощности ожидалось в полтора, а то и в два раза. А вот видеокарта подкачала. Ее характеристики тянули лишь на начало нулевых, да и в целом было видно, что за графонием тут не гнались.

Почему? Да потому что компьютерные игры находились в полном упадке. Нет, кто-то что-то делал, находились и энтузиасты, и целые студии, получающие госфинансирование, но, по сути, все это сводилось к поделкам весьма низкого качества. Это как бы намекало, что этим сладким куском пирога стоит заняться. Но для начала нужно провентилировать вопрос на предмет отношения к нему партии и конторы. А то слишком легко встрять с какой-нибудь ГТА. Пришьют пропаганду аморального образа жизни и, даже если не посадят, от клейма потом не отмоешься. Оно мне надо?

Но вот что я сделал незаконного, так это в первый же день надыбал ВПН и полез посмотреть, как там обстоят дела за бугром. Желания свалить не появилось, мне и тут было хорошо, но все же стоило ориентироваться в международной обстановке. Причем данные, почерпнутые на минутках политинформации, меня категорически не устраивали. Пусть даже я точно знал, что все, о чем говорилось на них в СССР, у нас оказалось правдой. Но мир-то другой, так что была вероятность, что здесь обошлось без засилья ЛГБТ-извращенцев и толерастии различной степени тяжести. Все-таки при наличии сильного внешнего врага общество имеет тенденцию к более рациональному развитию.

И реальность подтвердила мои предположения. Социальное развитие общества на Западе походило на восьмидесятые годы моего мира. Не внешним антуражем, тут как раз все примерно совпадало, и модой правило не диско, а хип-хоп и прочий артхаус, а внутренне. Никаких тебе гей-парадов, БЛМ или двинутых феминисток. Гомосексуализм даже из списка психических заболеваний не исключили, что радовало. Но при этом сексуальная революция свое дело сделала, хоть и гораздо менее радикально. И в целом такое общество мне нравилось гораздо больше, если бы не тотальная коммунизмофобия. Или, если быть точнее, советофобия.

Да, нас на Западе не любили, и это очень мягко сказано. Если говорить более жестко – ненавидели. Искренне, всеми фибрами своей капиталистической души. В частности, за то, что уже не получалось грабить другие страны с таким размахом, наплевав на любые правила и законы. Там почему-то вдруг заводились горячие парни с современным оружием, жаждущие избавления от империалистического ига. И вот что странно, некоторые из них очень плохо говорили на местных языках, зато любили водку, баню и Волгу-матушку. Или Обь. Или Енисей. Мало ли рек на родной африканщине.

Также пробил подробности по биткоину. А то идею-то я закинул, но подробностей не знал. Да и, чего греха таить, возможность резко разбогатеть скребла душу почище голодной кошки. Или, точнее, хомяка. К тому же имелась старая привычка готовить запасной план, а это было хорошей страховкой на случай, если вдруг в стране Советов мне станет очень неудобно. А в том, что такой момент может наступить, я ни на секунду не сомневался. Как говорится, от суммы да тюрьмы. Так что, не афишируя свою заинтересованность, я начал искать возможности покупки битков хотя бы на несколько сотен баксов. Даже если не пригодятся лично мне – пусть будут. Запас карман не тянет.

Еще хорошей новостью было увольнение мамы. Она несколько дней приходила в себя, до ужаса перепуганная даже не самим похищением, а видом того, как Каленый всаживает в меня пулю за пулей. Этот ублюдок специально вытащил ее из здания, чтобы она все видела. И я всерьез опасался за ее психическое здоровье, но мама оказалась гораздо крепче, чем я мог предполагать. И пусть пару дней ее трясло, но затем мама взяла себя в руки и даже без особых уговоров согласилась встать во главе нового предприятия. Правда, теперь требовала отчитываться, где я нахожусь вечерами и что делаю, но я считал, что это пройдет. Тем более мне было несложно лишний раз позвонить.

Лев Иванович и дядя Гиви активно взялись за создание нового кооператива и, как по мне, где-то даже перебарщивали. Например, они умудрились снять помещение внутри главных корпусов двух крупных вузов. Как Шилову удалось это сделать, я не представляю, точнее, какие для этого пришлось задействовать связи, явно гораздо более серьезные, чем нужны для сети фастфуда, существующей только на бумаге. Но Лев Иванович был настроен весьма серьезно, мол, видит перспективы и все такое. Однако мне показалось, что он таким образом извиняется за то, что не смог помочь в той ситуации.

Как по мне, это была глупость. Подставлять за меня шею его никто не просил и не имел права это делать. Более того, зная Каленого, мама была бы в большей опасности, если бы я заявился не один. Эта паскуда запросто могла в нее пальнуть. Так что никакой вины за Шиловым я не видел, что и попытался донести. Видимо, получилось не очень, потому что тот улыбнулся, похлопал меня по плечу, мол, все нормально, но продолжил форсировать работы по скорейшему открытию ларьков. Ну и я тоже больше не лез, хочет человек – флаг ему в руки.

С мотоциклом тоже все срослось. В ГАИ меня без проблем записали на учебу для получения прав. Можно было, конечно, понаглеть и надавить на Тихомирова, мол, ты обещал, а твои люди эпично обосрались, но я не стал. Зачем портить отношения, тем более им и так прилетело знатно. Они отвлеклись буквально на минуту, точнее, их отвлекли. Какие-то пацаны малолетние, которым заплатили за то, чтобы они кидали камни в машину чекистов. Даже не деньгами, а сигаретами. Вокруг Каленого всегда такие крутились, любил он малолеткам на уши присесть с блатной романтикой. Я сам таким же был, сейчас даже вспомнить стыдно.

Так что к конторе как таковой я претензий не имел. Тем более что подоспели ребята вовремя, жаль только, уroda этого шлепнули. Я бы предпочел с ним лично побеседовать, да и Тихомиров, получивший-таки ранг Мастера, не отказался бы потрясти Каленого на предмет, как тот стал Егерем. И за то, что теперь это оказалось невозможным, незадачливые оперативники тоже свое получили. По словам Ильи Демидовича, в ближайшие пару лет им предстояло

охранять покой белых медведей где-то возле Северного полюса. И, как по мне, это не было жестоко, сами виноваты.

Кстати, байк мне достался все же не тот, о котором мы договаривались. Немного подумав, я решил все-таки не выеживаться, ибо и так привлек слишком много лишнего внимания в последнее время. Так что ограничился менее заметной моделью. Не банальный «ИЖ – Юпитер-6», конечно, а «ИЖ – Вега-2». Позапрошлогонья модель, своим видом наиболее похожая на спортбайки моего родного мира. Даже не скажешь, что это детище советских конструкторов. Тоже довольно редкая, но не настолько, как «Лидер», тем более что гоняться я ни с кем не собирался. Пусть этим мальчишки балуются, а у меня другие нужды. Я бы вообще себе какой-нибудь чоппер взял, а лучше нормальную машину, но первых в Союзе вообще не было, а тачку нужно было еще два года ждать. Так что пришлось идти на компромисс.

Зато я кардинально изменил свой имидж. Решил отказаться от пацанского стиля. Никаких больше спортивных костюмов и блатных кепок. Нормальные джинсы, рубаха, куртка, тем более снова похолодало. И тяжелые ботинки с выступающим рантом. При моем везении лишнее оружие не помешает, а в савате удары ногами наносятся именно рантом, и эффект от них не хуже, чем от кастета. Им, кстати, тоже зачастую пользуются, как и ножом, и тростью. А что поделаешь, если это боевое искусство выросло из уличных драк, где правил не было, зато на кону стояла жизнь. И пусть мой тренер тяготел больше к спортивному савату, облагороженному и охолощенному, основы он не забывал. Тем более что я на ринг не рвался, а вот научиться по-настоящему работать против вооруженного противника или нескольких врагов было весьма интересно.

Не знаю, почему я сразу не попытался использовать этот вариант, может, просто инертность мышления нового тела. Я, кстати, заметил, что иногда веду себя именно как подросток, а не как взрослый мужчина, которому не должно быть дела до детской возни и прочего. Ан нет, вторая молодость дает о себе знать. Плохо это? Я так не думаю. И даже пытаться исправить что-то не собираюсь. Особых косяков за мной нет, а зачем портить себе лучшее время жизни взрослыми проблемами? Я и так делаю для этого более чем достаточно. Пусть останется место для беззаботной глупости и ошибок.

– Семен, ты на дискотеку в школе сегодня идешь? – толкнул меня в плечо Ромка, словно подслушав мои мысли. – Или будешь отбиваться от коллектива?

– Ты чего-то конкретно хочешь, или так, чисто интересуешься? – я даже не оглянулся, размахивая советским флагом. – Только учти, даже если приду, танцевать с тобой не буду. Как парень ты нормальный, а вот как баба, уж извини, полный ноль.

– Чего? – подзавис Еремин, пытаюсь понять, о чем это я, а мне захотелось отвесить себе леща, да побольнее, чтобы уже выбить эту гомодурь, которую здесь тупо не воспринимали. – Ладно, пофиг. Я просто хотел тебя попросить, как комсомольца и энергета, помочь присмотреть за порядком.

– В дружинники, что ли, вербуешь? – я мысленно перевел дух, благодаря бога за наивность местной молодежи. – Не боишься волка в овчарню-то пускать?

– Дружинниками будут десятые и одиннадцатые классы, – покачал головой комсорг. – Я неофициально тебя прошу чисто присмотреть, чтобы никаких эксцессов не случилось. А то в прошлом году к нам сто тридцать вторая школа вломилась, такая драка была.

– Ага, помню, добрый был махач, – я мечтательно зажмурился. – Надо будет повторить... Да ладно, не ссы, шучу я!

– Шутки у тебя дурацкие, – буркнул напрягшийся было Еремин. – Ты же теперь Юниор. Пришибешь кого-нибудь, сам на зону уедешь, а нас загнобят проверками и прочим.

– Бюрократ ты, – упрекнул я парня. – Нет чтобы о товарище переживать, что на кривую дорожку шагнет, он за себя беспокоится, как бы бумажки писать не заставили. Чернильная душа.

– Товарища никто туда за шкуру не тянет, – справедливо заметил Ромка. – А если сам решил, то кто виноват? Мы и так старались как могли, просто получится, что ты не только сам подставишься, но и нас под монастырь подведешь. К тому же товарищ Сталин сказал, что общество должно бороться за каждого своего члена, но только если этот товарищ сам того хочет. А для исправления асоциальных элементов есть специальные заведения.

– Ну, раз Иосиф Виссарионович сказал, то все, не буду драку устраивать, – я преувеличено серьезно кивнул. – Да не кипешуй ты, помогу я. Чего сложного-то. Во сколько сегодня танцы?

– В семь, сразу после концерта. – Роман сделал пометку в своем наладоннике. – Я на тебя рассчитываю. И Лена Зосимова хотела с тобой что-то обсудить, подойди к ней после демонстрации.

– Да вы обнаглели! – я чуть флаг не выронил от возмущения. – Вам только палец дали, а вы уже руку по плечо заглотили. Не борщитесь на поворотах!

– Ладно тебе, – отмахнулся комсорг. – Девчонка волнуется. Все-таки нечасто новое произведение удастся представить сразу перед городским активом. Ты будто не переживаешь.

– Ни капли, – я действительно ничуть не нервничал. – Это будет стопроцентный хит. Так Лене и передай. А я за ней бегать не буду, потому что она и себя изведет, и из меня все жилы вынет. Пацаны из группы все четко отрепетировали, у солистки и голос есть, и сиськи, так что успех нам гарантирован. Так ей и передай в стотысячный раз.

– Хамло ты, Чобот, – вздохнул Роман. – Как был хулиганом, так и остался. Ладно, передам. Но вечером ты как штык в школе.

– Будто я пропущу такое мероприятие, – я прошелся глазами по рядам девичьих коленок. – Нет уж, вы от меня хрен избавитесь.

Глава 2

– Здорово, орлы! – я распахнул дверь в каморку за актовым залом, где обычно репетировал школьный ансамбль, а сейчас ее превратили в гримерку. – Готовы вжарить рок в этой дыре?!

– Идьи на хрен, Чобот, пожалуйста-а, – весьма неласково встретил меня фронтмен, Иво Ванас. – Бе-ес тебя тошно.

– Вау, остынь, горячий финский парень, – я понимал причину, но грубость спускать не собирался. – Охолони чутка.

– Я не финн, я латыш, – Иво осознал, что был неправ, и не стал лезть в бутылку.

– Да мне хоть мордвин, – я плюхнулся на ближайший свободный стул. – У нас дружба народов и все равны. Главное, не нервничай. Чего бледные сидите, деятели культуры?

– Ты реально не понимаешь?! – вскинулся ударник, Леха Кузнецов, над которым за его увлечение не шутили только малолетки, предлагая дать вместо палочек молот. – Там люди из райкома партии будут!!!

– И... чего? – я пожал плечами, действительно не понимая причин для истерики. – Ну, будут. Выйдете, выступите. Играете вы прилично. Музыка отличная. Слова, без лишней скромности, тоже. За аморалку вас не притянут ни в каком виде. Так чего вы истерите, я не въезжаю?

– А если мы облажаемся?! – наконец выдали музыканты причину своего состояния. – Это же позор на весь город!

– Так вы не лажайте, – я даже удивился, что им в голову не пришел такой простой выход. – Вы, блин, уже пару лет этим составом где только можно выступаете. Сыгрались уже так, что друг друга наизусть знаете. Так чего суетитесь? Ну, подумай, песни новые. И чего? Собрались, выдохнули и слабаки так, чтобы у этих из райкома от восторга волосы под мышками дыбом встали. Вы ведь можете это сделать, я точно знаю. Иво, можете же?!

– Я не зна... – замылся латыш.

– Можете! – припечатал я. – Так не хрен сиськи мять! Вы комсомольцы или кисейные барышни, впервые член увидавшие?! А ну собрались, мать вашу! Тряпки!

– Нэ надо маму, – угрюмо поднялся с места клавишник Армен, обычно спокойный, даже немного индифферентный, но если впадавший в буйство, становящийся безумным берсерком. – Не надо.

– Тогда возьми яйца в кулак и отработай на сто двадцать процентов, – я ничуть не испугался, уставившись ему прямо в глаза. – И я первый ей цветы принесу, за то что сына настоящим мужиком вырастила. Ну что, слабо?

– Не слабо! – повелся на разводку Армен, но, к счастью, его энергия ушла в нужное русло. – Не слабо же нам, мужики?!

– Да сделаем в лучшем виде! – вслед за другом вспыхнул и бас-гитарист, казах Чингиз. – Что мы лохи какие-то, что ли? Чобот, рахмет за песни. Мне, когда сказали, что это ты написал, я не поверил.

– И правильно сделал, – я ухмыльнулся. – Потому что мои только слова. А все остальное Лена сочинила, так что можно сказать, главный создатель – это она. Так что не подведите девчонку, пацаны, а то будет стыдно ей в глаза смотреть. Давайте, порвите зал!

– Сделаем это, пацаны!!! – подскочил Иво, у которого даже легкий акцент пропал. – Порвем зал!!!

– Да! – поддержали его остальные участники ВИА, а я, похлопав фронтмена по плечу, вышел из каморки.

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Да и не верил я, что ребята сильно налажают. Да, песни новые. Репетировали не так долго, как хотелось бы, но и играют не «Лунную сонату».

На уровне школьной самодеятельности и так сойдет, хотя, честно говоря, то, как ребята переживали за выступление, мне прям очень понравилось. Никакого наплевательского отношения, мол, и так сойдет. Полная отдача, и это при том, что, насколько я знал, ни один из них в дальнейшем не думал становиться музыкантом.

Армен планировал поступить в медицинский и стать стоматологом, как родители. У тех был частный кабинет, и очередь в него обычно была расписана на пару недель вперед. Несмотря на то что энергеты могли буквально за десять минут вырастить и приживить зуб так, что не отличишь от родного, на всех таких специалистов не хватало. Оно и понятно, учитывая, что подобные техники были доступны только Мастерам. Зато материалы и лекарства с использованием возможностей энергетов были куда более доступны, чем обычные врачи с удовольствием пользовались.

У остальных участников также имелись свои соображения насчет будущего. Иво хотел рвануть в Ленинград. Там у него жила бабушка, там же планировал поступать в вуз, стать инженером-проектировщиком. Хотел делать машины. Чингиз, наоборот, собирался стать зоотехником, но при этом куда-то уезжать не хотел. Но оно и правильно, у нас и сельхозуниверситет один из лучших в стране, да и работы хватает. И лишь Леха Кузнецов собирался продолжить заниматься искусством, но не музыкой, а стать оператором и устроиться работать или на киностудию «Сибирь», или куда-нибудь на телеканал, благо только местных имелось около десятка. Но при этом даже не планируя в дальнейшем профессионально заниматься музыкой, ребята старались играть как можно лучше, переживая не столько за себя, сколько за новые песни. Это трогало.

Естественно, со мной ребята особо не откровенничали, поскольку я для них все еще был хулиганом Чоботом, который доставал их на танцах и концертах, требуя слабую «Мурку». Но Зосимова с энтузиазмом, достойным лучшего применения, регулярно таскала меня на репетиции, заодно посвящая в подробности биографии музыкантов и их родни. Нужен я ей был, чтобы оценить результат и сказать, так оно было у меня в голове или нет. И то, что я не могу отличить ноту «ля» от «си», ее не волновало.

Честно говоря, именно поэтому я от нее и бегал. Ну что сказать человеку, который ждет от тебя чуда? Мелодии и так звучали отлично, пусть немного по-другому, но ничуть не хуже. А может, даже лучше, кто знает. Я в оценках искусства не силен. Что и пытался донести до упертой девицы. А когда не помогло – начал прятаться. Правда, и оставить ребят без поддержки не смог, вот и зашел к ним, когда Ленка выскочила куда-то. И сейчас с чувством выполненного долга нашел свободное место в зале и плюхнулся, полностью расслабившись и собираясь насладиться зрелищем. Все-таки в этой жизни в первый раз попал на концерт, пусть даже школьной самодеятельности.

И знаете что? Мне понравилось! Пусть местами было наивно, а местами уровень скатывался уж совсем в дикую и развесистую клюкву, особенно когда дело касалось изображения западного образа жизни. Меня всегда умиляло, как Голливуд показывал советскую действительность, а вот сейчас довелось посмотреть, как советские дети представляют себе жизнь при загнивающем капитализме. И надо сказать, зашоренности здесь было не меньше.

Притом я-то точно знал, что все, чем пугали людей отечественные пропагандисты, правда, но выглядит все это немного по-другому. И буржуи-капиталисты – это не толстые пузыри в старомодных фраках, а зачастую молодцеватые, подтянутые, спортивные и хорошо выглядящие люди с яркими улыбками, одетые нарочито небрежно. Футболки, водолазки, простые с виду джинсы, короче, ничего помпезного. А вот измученные работой негры в рубище, те, наоборот, и работать особо не любили, да и одевались так, что скулы сводило от безвкусной роскоши. Хотя, конечно, везде имелись свои исключения, но я именно так запомнил Америку из поездок по ней. Правда, это было в прошлой жизни.

Ребята выступили неплохо. Зал, конечно, не зажгли, но тут виновата скорее атмосфера концерта и тематика песен, но даже так можно было сказать, что дебют удался. Хлопали ВИА «Поющие гитары» искренне и с воодушевлением. Хотя я не отбрасывал версию, что оно было вызвано тем, что концерт наконец закончился и можно было идти заниматься своими делами. Но вот представители райкома партии и ВЛКСМ возбудились по-настоящему, хоть и не в том смысле, что обычно подразумевают под этим словом.

– Прекрасно, просто прекрасно, – вещала некрасивая тетка с претензией на моду и жуткой пергидрольной химией на голове. – Очень хорошо! Конечно, песни лучше подошли бы на День комсомола, но и так вышло замечательно. Комсомол – это кузница кадров партии! И слова хорошие. Как там... любовь, комсомол и весна. Замечательно!

– Но все же я считаю, что выбор композиций не соответствовал сути Первомай, – то ли из вредности, то ли потому, что затаила злобу, но старая знакомая из районного управления комсомолом не собиралась нам петь дифирамбы. – Первая – «Здравствуй, товарищ труд» – действительно подходит. Но остальные... Если про продолжающийся бой еще можно принять в свете борьбы с мировым капитализмом и буржуазией, то при чем тут любовь и весна, товарищи?

– Ой, прекратите, – отмахнулась тетя с химией и вздохнула с явно ощущаемой грустью. – Любовь всегда при чем. Очень хорошая песня. К тому же авторы – школьники из нашего района. Тут не палки в колеса ставить надо, а наоборот, помочь, чем можем. Например, со вступлением в Союзы писателей и композиторов.

– А не рановато? – поморщился полный, лысоватый дядечка, из-за духоты обильно потевший и то и дело протиравший лысину платком. – Песни, конечно, хорошие, но, как мне кажется, рановато для столь серьезного шага. Пусть школу сначала закончат. А вот в остальном поможем. Даже диск издать можно. Только надо сначала комиссию в Минкульте пройти. Вот этим мы вполне можем заняться.

– Диск из трех песен? – скривилась комсомолка. – Это несерьезно.

– Почему трех? – удивился директор. – Леночка, ты же говорила, у вас больше материала?

– Конечно, – закивала Зосимова, – как минимум двенадцать песен готовы, правда, у некоторых еще нет аранжировки. Но, если Гульнара Исламовна поможет, мы за неделю управимся. У меня самой пока еще плохо получается.

– Неправда, – оборвала ту наша учительница музыки. – Не слушайте ее. Лена потрясающе талантлива, я бы даже сказала, гениальна. Ей обязательно надо идти в музыкальное училище, получать профильное образование. А затем в консерваторию. Уверена, что музыку, которую напишет Лена, будет слушать весь мир.

– Да, да, конечно, – закивал дядька. – Но у вас же еще и автор стихов есть? А он где? Не пришел?

Тут я понял, что пора валить. Я люблю, когда меня хвалят, но тут как бы не за что. Да и не хотел я встречаться с комсомолкой, она с прошлого раза на меня волком смотрит. Хотя, казалось бы, чего такого, сама начала там понтоваться, возьмем, не возьмем. А как сверху шикнули, мигом притихла. Так что я поднялся и тихонечко побрел в сторону выхода, стараясь прятаться за спинами других школьников. Но не прокатило.

– Семен! – Зосимова, хоть и ростом не удалась, зато обладала не только острым слухом, но и не менее верным глазом. – Семен, стой! Погоди!

Если бы в дверях не было пробки из младшекласников, старающихся побыстрее оказаться на свободе, я бы сбежал. Вот честное слово, дернул бы, сделав вид, что не услышал. А так пришлось оборачиваться и идти к счастливо скривившемуся при моем виде директору. Ну да, я тоже вас люблю на расстоянии. Чем дальше, тем крепче.

– Вот познакомьтесь, – Иван Сидорович обнял меня за плечи и потряс. – Наша гордость! Семен Чеботарев, девятый «а» класс. Юниор, имеет грамоту от КГБ за помощь в задержании опасного преступника и пишет прекрасные стихи.

– Наслышан, наслышан, – протянул мне руку мужик. – Это ведь ты в парке отличился? Молодец, спас район от позора. А то и весь город! И стихи пишешь хорошие, я прям молодость вспомнил! Отличные стихи! Марина Никаноровна, может, мы поможем молодому дарованию? У нас какие-нибудь литературные премии присуждают? Кто этим занимается? Зимовский?

– Не-не-не, не надо мне премию! – я тут же принялся открещиваться от такой радости. – Спасибо, но не считаю себя достойным.

– Это еще почему? – всплеснула руками пергидрольная. – У тебя талант!

– Да нет у меня никакого таланта, – я был честен с собой, и даже перспектива получения определенной денежной суммы меня не соблазняла, потому как в дальнейшем эта премия могла сыграть весьма негативную роль. – И стихи эти, они как бы не совсем мои.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился райкомовец. – Хочешь сказать, ты их у кого-то украл?!

– Я неверно выразился, – пришлось шустро шевелить мозгами, чтобы выкрутиться, впрочем, рабочая версия у меня уже была готова. – Просто понимаете, как бы объяснить. Вот, Лен, ты, когда музыку сочиняешь, сидишь, поди, мучаешься. Ищешь формы, созвучия там, вот это вот все. То есть не бац – и мелодия готова, а работаешь, тяжело и упорно, так?

– Ну... да, – кивнула Зосимова. – Бывает, что что-то не идет, приходится с нуля переписывать.

– Вот! – я наставительно поднял палец. – А у меня всего этого нет. Я не пропускаю эти стихи через себя, не рожаю их в муках, если хотите. Я их вообще не пишу. Просто у меня, как у энергетика, есть небольшое отклонение от нормы. Я при медитации впадаю в сатори. Знаете, что это такое?

– Болезнь какая-нибудь? – комсомолка отодвинулась от меня, обдав презрительным взглядом.

– Нет, это... – начал объяснять я, но меня перебили.

– Просветление, – учительница музыки таранилась на меня, словно видела в первый раз. – Очень редкое явление. Способность отрешаться от всего, сосредотачиваясь лишь на одной мысли. Я слышала, что такое иногда бывает, но ни разу не видела человека, способного на это.

– Да, именно так. – Я благодарно кивнул Гульнаре Исламовне. – И в этом состоянии я буквально выпадаю из жизни. А когда прихожу в себя, не могу вспомнить, чем занимался. Это сложно описать. И вот иногда после медитаций в голове возникают стихи. Уже готовые, понимаете. Я даже не думал ни о чем таком, просто шутка подсознания. Или послание от ноосферы, кто его знает. Поэтому я не могу считать их своими, точнее, могу, но не хочу переходить дорогу другим, настоящим поэтам, которые эти стихи выстрадали, выносили. Это просто нечестно будет с моей стороны.

– Весьма достойная позиция, – уважительно кивнул лысоватый дядька. – Иван Сидорович, мое уважение. Какая смена растет, а?! Ну, раз от премии отказываешься, тогда, может, сам чего-нибудь хочешь?

– Помогите выйти на филармонию, – естественно, у меня было много чего попросить, но я решил не выбиваться из образа хорошего парня. – Вам это всяко проще, чем мы сами будем пороги обивать.

– А зачем тебе? – тут удивились все, даже комсомолка. – Ты еще и музыкант?

– Да господи упаси, – я тут же отверг гнусные инсинуации, – у меня медведь не просто наступил на ухо, а основательно так на нем оттоптался, еще и друзей позвал. Просто есть идея

записать песни с оркестром. Вот представьте, солист поет, мол, и вновь продолжается бой, и сердце клокочет в груди, а фоном скрипки там, виолончели и горны. Круто же будет!

– Так зачем обязательно филармония? – удивился райкомовец. – У нас на киностудии есть свой оркестр, ничем не хуже. И записываться там проще, все оборудование и помещение специальное имеется. К тому же как раз в нашем районе. Я думаю, проблем не будет. Давайте сделаем так. Вы мне позвоните дня через два, и там все решим.

– Но у нас еще аранжировки не готовы! – схватилась за голову Зосимова. – Гульнара Исламовна, что делать?!

– Не суетиться под клиентом, – сначала ляпнул я, а потом до меня дошло, что именно. – Извините. Тяжелое детство, деревянные игрушки, прибитые к полу... еще раз извините.

– Семен, ты иди, отдыхай, – быстро сориентировался директор, понимая, что если я останусь, то вместо поощрений от райкома можно будет огрести полную корзину люлей. – Мы сами все обсудим. И Лену возьми с собой. Я ведь правильно понимаю, что запись будет не завтра и даже не на этой неделе? Вот и идите, отдыхайте. Праздник все-таки. Готовьтесь к танцам.

– До свидания, – нестройным хором попрощались мы с высоким начальством и наконец-то свалили из зала. Лена, правда, пыталась меня задержать, но я уже наелся культуры так, что в горле стояло, да и чем я ей мог помочь, не понимал, так что отговорился делами и сбежал. Тем более у меня действительно скоро была тренировка, Михалыч не собирался делать перерывов даже на праздники. И Анастасия тоже. А вечером намечалась школьная дискотека, которую пропускать я не собирался.

Глава 3

Музыку я слышал еще на подходе к школе. Не клубняк и хардбас, как в парке, но и не вальсы Шопена. Диско, попса, практически классическая, правда, без изрядной доли пошлости, но в целом танцевальная музыка от моего мира практически ничем не отличалась. А вот рок меня, наоборот, даже радовал, потому как так и остался андеграундом, что в лучшую сторону повлияло на его развитие.

Ну, на мой вкус. Кому-то, может, и сладкие мальчики в коже со стразами нравились, тут, как говорится, хозяин – барин. Я же всю эту говнорокерскую гламурную тусовку терпеть не мог, а старые команды, к сожалению, в большинстве своем сдулись, стоило им дать свободу творить. Как, впрочем, и большинство других творческих направлений и жанров. Вседозволенность она никогда ни к чему хорошему не приводила.

И если «Сектор газа», несмотря на нарочито грубую подачу и маты, мы слушали и в старости, то все эти «Поющие трусы», лепечущие в микрофон про сиськи, жопы и бабло, забывали, стоило только закончиться треку. А все потому, что у первых творчество отражало протест и, говоря бюрократическим языком, поднимало остросоциальные темы, то вторые были просто тупыми, безголосыми хабалками и могли заинтересовать только таких же, как они сами.

Кстати, я бы не сказал, что рокеры были загнаны уж совсем в подполье. Они выпускали альбомы, давали концерты, да и в целом чувствовали себя довольно неплохо. Единственное, их не пускали на центральные каналы, однако на частных или региональных ребята в косухах мелькали регулярно. Да, частные телеканалы в этой версии СССР были, что для меня стало неслабым шоком. Я как раз валялся в больнице после ранения, меня оставили на сутки, понаблюдать, и впервые после перерождения бездумно пялился в телевизор, шелкая каналами. И наткнулся на такую прелесть. Понятно, что они тоже были под контролем и Гостелерадио, и КГБ, но сам факт наличия уже говорил о многом. А уж то, что среди них было несколько музыкальных, на которых крутилась в том числе и зарубежная музыка, мне прям бальзамом на душу пролилось.

Впрочем, особым меломаном я себя не считал. Меня радовал скорее сам факт того, что здесь руководство не стало повторять идиотизм моего мира, где за пластинку «Битлов» можно было получить срок, а действовало гораздо тоньше и аккуратнее. Не только запрещая, но и объясняя и показывая. Давая пощупать и сделать так же, только лучше. Это работало гораздо эффективнее, достаточно вспомнить, что на дворе уже две тысячи десятый год, а СССР живет и здравствует.

Так что заходил в школу я под задорное диско, естественно, одобренное специальным комитетом при Гостелерадио СССР, да и к тому же группа, что сейчас играла, была из ГДР, так что с идеологической составляющей песен все было в порядке. Что не мешало молодежи отрываться под зажигательные ритмы.

Меня самого плясать не тянуло. Я и раньше-то не любил, но мог подрываться, как в прошлый раз с ребятами в парке, но там у меня настроение было и компания. А сейчас, честно говоря, даже не знал, что делать. Пусть переселение мне знатно перекорезило мозги, и из почти пятидесятилетнего мужика я снова стал молодым и задорным, но все же совсем подростком себя не ощущал. Поэтому толкаться в темной комнате с детьми под бодрые мотивы меня не прельщало. Вот пообжиматься с какой-нибудь симпатичной комсомолкой под медляк другое дело. Но ее еще найти надо, да и учителя зоркими соколами следят, чтобы никто себе лишнего не позволял.

– Здорово, Чобот, – одиннадцатиклассник, дежуривший у дверей, кивнул мне, хоть я его и не помнил, зато его напарница, девица с немного лошадиным лицом, просканировала

взглядом так, будто подозревала, что я с собой несу минимум пару канистр спирта и набор веселых таблеток в придачу. – Смотрю, ты прикид сменил. Зачетные джинсы. Америка?

– Да вот, прибарахлился по случаю, – я окинул взглядом свои ноги, слегка задержавшись на ботинках. – Вроде германские, ГДР. Я особо в марках не секу.

Мне действительно на фирму-производителя по большому счету было плевать. Да и не помнил я, что сейчас модно у молодежи. Что спортивка рулила, «Адидас» или «Пума», тут да, знал, а вот джинсы и прочее как-то вылетело из головы. Зато с чем мне реально повезло, так это с ботинками. Я даже не ожидал, что Тихомиров, вернувшийся полноценным Мастером, устроит мне такой босяцкий подгон. Понятно, что он так извинялся за косяк с охраной, но все равно было приятно.

Местная молодежь даже названия фирмы такой не знала. «Гриндерс». А для меня это было легендой. «Гринды» у нас котировались по высшему разряду, да и в драке против их обладателя старались не выходить. Стальной стакан в носке, крепкая кожа, высокий вес превращали их в настоящее оружие. Но для меня, как адепта савата, «гринды» были находкой. А все потому, что удары ногами во французском боксе наносились именно носком ноги. Вышло совершенно жуткое сочетание, тех же песелей Егеря я мог бы тупо запинать, будь тогда они у меня. Так что от подарка я не отказался, особенно учитывая, что капитан принес не берцы, а обычные, цивильные с виду ботинки на три дырки. Но до сих пор чувствовал себя немного странно, что никто не узнает, во что именно я обут.

– Но все равно круто, – старшекласник завистливо уставился на мои джинсы. – Я себе хотел такие взять, но дорого.

– Возьми польские, они дешевле, а по виду то же самое, – я пожал плечами и, махнув дежурным рукой, пошел в актовЫй зал, где всюю гремела музыка. – Ладно, бывай. Пойду подвигаюсь. Может, сниму кого?

– Откуда? – затупил школьник, потому что здесь не было такого понятия, но, к счастью для меня, решил не заморачиваться. – Ладно, давай. Ваши уже пришли, я видел, ключ брали.

Особенностью школьных дискотек было то, что наводить красоту проще было не в раздевалке, где толпилась куча народу, а в классной комнате. А что, удобно, мы отвечали за этот кабинет, лишних там не бывало, так что обычно староста получала ключ и там оставляли вещи, девчонки прихорашивались, а то и разливали по сто грамм под партой. По крайней мере, раньше я активно в этом участвовал и в своем мире, и здесь. Теперь же алкоголь сам по себе, как средство почувствовать себя взрослее и солиднее, мне был неинтересен. Зачем, если я и так уже взрослее некуда. А дури и своей до сих пор хватает.

А возле класса вместе с другими пацанами подпирал стену Роман. Видать, девчонки выгнали из кабинета, чтобы не мешали переодеваться, а комсорг, как ответственный человек, не мог их бросить и уйти танцевать. А то мало ли кто вломится. Короче, как обычно, на посту, хотя, может, просто ждал Машку, у них же любовь и все такое, а уйти без пассии некомильфо и зашквар, как ни посмотри.

– Ты-то мне и нужен, – я оттер пацанов и навис над Ереминым. – Давай, колись, на хрена ты меня на дискач заманил. Только без сказок про сто тридцать вторую. С ними и без меня бы справились.

– Короче, мне маякнули, что фазаны с Сибсельмаша сегодня будут школы и технари шерстить, – не стал изображать Незнайку Роман и тут же сдал все явки и пароли. – Говорят, у них два Разрядника появилось, и они хотят всех остальных нагнуть.

– А я, по-твоему, с двумя Разрядниками справлюсь, – я скептически уставился на друга. – У тебя на фоне чуйств к Поляковой мозги вообще отказали? Правильно говорят, любовь – это болезнь.

– Отвали! – поморщился комсорг, но в бутылку лезть не стал. – При чем тут Маша? Просто ты реально единственный, кто умеет по-настоящему драться. Не Сикорскую же звать.

– Вон ты про что, – я почесал в затылке. – И давно знаешь?

– Да сразу понятно было, – удивленно уставился на меня Роман. – Кому попало КГБ грамоты не дает. Да и Софья проговорила, что вы в одном месте занимаетесь. А куда мог ее папа устроить? Только к инквизиторам.

– Ладно, ладно, верю, ты умный, – я остановил поток откровений. – Трепись только меньше. Посмотрим, что там будут за Разрядники. Так-то Чернов из одиннадцатого «А» у нас вроде чемпион школы сейчас. Он-то здесь? Или струхнул?

– Да здесь он, – отмахнулся Еремин. – Куда он денется, он же комсорг и ответственный сегодня за дежурство. Но один Виталья не потянет. Да и остальные тоже. А драка толпа на толпу – это уже совсем другой коленкор. За это можно и отхватить по полной.

– М-да, а я ведь все еще на учете состою, – я почесал в затылке. – Ладно, уговорил, языкастый. Положу я твоих Разрядников. Так и быть. Пойду пока хоть потанцую, заодно и разомнусь перед дракой.

– Они не мои, – буркнул Ромка. – Ты чего от Лены сбежал? Она мне плешь проела, вынь и подай ей Чеботарева.

– Я ей уже все сказал, что мог, – отмахнулся я. – Пусть ни себе, ни мне голову не забивает. Лучше вон тоже сходит потанцует, всяко полезнее, чем себя накручивать. Так ей и передай.

Ответ я слушать не стал, направившись в сторону актового зала. Ну действительно, сколько можно. С тех пор как Зосимова получила заветную тетрадку, она терроризировала меня, мучая разными мелодиями. И вроде как, с одной стороны, это правильно, так как я сам ей наплел, что у меня в голове звучат мелодии, но с другой – слуха у меня как не было, так и не появилось. А значит, я тупо не понимал, подходит та или иная мелодия или нет. Разве что мог сказать, насколько она похожа на оригинал, и то вряд ли точно. А уж после сегодняшнего разговора она и вовсе как с цепи сорвалась. И если тогда мне удалось сбежать, пользуясь ее шоковым состоянием, то сейчас она мне весь мозг выест.

Но самое главное, что Лене и не требовалась моя помощь. Она сама прекрасно справлялась, пусть даже с помощью музычки, а все терзания происходили от неуверенности. Я же был полностью уверен в успехе, так что совершенно не парился. И не собирался идти на поводу у девчонки. Ее есть кому успокоить и поддержать, вот пусть подружкам мозг и выносит. Той же Поляковой, например. А я, кивая знакомым и пожимая руки парням, протиснулся в актовый зал, превращенный в танцплощадку, и затормозил, не зная, что делать дальше. Слишком давно я последний раз был на школьных дискотеках, чтобы помнить, как надо себя вести. Кроме того, специфика мира и возраст давали о себе знать.

Тут не подвалишь к первой попавшейся девице с предложением угостить ее коктейлем, намекая на продолжение у тебя дома. Или у нее, тут уж как получится.

Впрочем, взрослый опытный разум тут же подсказал выход. Достаточно было протолкнуться поближе к стене, где кучковались те, кто не хотел лезть на импровизированный танцпол, и найти своих, то бишь свой класс. Человек существо социальное и в любой ситуации стремится объединиться со знакомыми или подходящими под определенные параметры особями. Школьники не исключение, а скорее яркое подтверждение данного правила. А я не спешил его нарушать, внаглую приглашая одиннадцатиклассниц, хотя парочку особо выдающихся... особ наметил. Осталось только дождаться медляка и идти на штурм... но мои планы были бесцеремонно нарушены.

– Семен! – Зосимова, неизвестно откуда взявшаяся, мертвой хваткой вцепилась в рукав куртки. – Я тебя везде ищу! Тебе разве Роман не передал, что я поговорить хочу?!

– Передал, – я тяжело вздохнул, даже не пытаясь освободиться от захвата мелких, но цепких пальчиков. – И я ему тоже передал, что тебе передать. Завязывай истерить. У тебя замечательно получится аранжировка. Так что не доставай меня, пожалуйста.

– Но... – Лена не собиралась от меня отставать.

– Но вон поставили медляк, – совсем невежливо перебил я мелкую заразу. – А у меня на него и на Таньку Соколову были планы. К ней я уже по-любому не успеваю, так что даю две секунды, чтобы отпустить меня найти новую жертву, или я пойду танцевать с тобой.

– Х-хорошо... – голосок Зосимовой дрогнул, но руку она не убрала. – Пошли...

Честно говоря, в первое мгновение я опешил. Вот от кого не ожидал, так это от вечно испуганной Ленки, что она чуть ли не сама потащит меня танцевать. Но факт оставался фактом, я пришел в себя, когда уже переминался с ноги на ногу, держа в объятьях мелкую девчонку. И далеко не на пионерском расстоянии. Скорее даже наоборот. Мои руки лежали на ее талии, причем практически на грани приличий, а может, даже чуть-чуть за, я крепко прижимал Лену к себе, не давая убежать, но, на удивление, та особо и не рвалась, а наоборот, забросив руки мне на шею, качалась в такт музыке. И надо сказать, мне это начинало нравиться.

– Лена, ты сейчас серьезно так рискуешь, – я сам не понял, отчего у меня вдруг сел голос, превращаясь в хриплый шепот. – Смотри, доведешь до греха.

– А я тебя не боюсь, – трусишка Зосимова, обычно дрожащая как осиновый лист, вдруг подняла голову и уставилась на меня глазами, в которых плясали чертенята. – Ты хороший. Просто притворяешься сволочью.

– О нет, детка, ты крупно ошибаешься, – я нагнулся к девушке, почти касаясь ее губами. – Я очень плохой и злой серый волк. Зубами щелк. Так что берегись, поросенок, как бы не уволок тебя волк к себе в логово.

– А если я все равно не боюсь, – Лена откровенно нарывалась, а я вдруг понял, что от нее опьяняюще пахнет какими-то сладкими девичьими духами, а тонкие губки привлекательно блестят в свете цветомузыки. – И что ты мне сделаешь?

– Сейчас узнаешь... – у меня переклинило мозг, и я даже забыл, где нахожусь, собираясь продемонстрировать наглой мелочи, что нельзя так провоцировать взрослых дяденек, как меня обломали, нагло дернув за плечо. – Чего надо?!

– Семен! Блин, пошли быстрее!!! – Ромка выглядел не лучшим образом. С разбитой губой и весь какой-то потрепанный. – Я тебя уже минут десять ищу! Там сибсельмашевские пришли.

– Блин! – до меня дошло, кто я и где я. – Сволочи! Прости, Лен, дела. Потом поговорим.

– Да пошли уже! – Еремин буквально тащил меня через зал. – Они уже всех старшаков положили. Один Чернов остался, но он точно не вывезет.

– Ладно, не кипешуй, ща все решим, – я стряхнул руку парня и только сейчас понял, что в другую вцепилась Зосимова. – А ты-то куда?!

– Я с вами! – смело пискнула мелочь. – Я помогу!

– Помощница, блин, нашлась, – я ворчал, но прогонять девчонку не стал, это и дольше бы вышло, и лишнее внимание привлекло бы, а на нас и так учителя уже косились. – Рома, смотри за ней!

– Обязательно! – на комсорга в этом вопросе можно было положиться. – Давай быстрее!

Мы пулей вылетели из школы, распугав дежурных, из которых остались только девчонки. Где пацаны, можно было не спрашивать. И дело даже не в присутствии советским людям коллективизме. Просто если сольешься в такой момент, то уважения тебе не видать. Да, с тобой будут общаться, но скорее по необходимости, как с тем же Хомяком. Михаил был трусоват, чего уж греха таить, но это полбеды, главное, что он не мог перебороть это в себе и в итоге стал фактически изгоем в своем классе. И ему никто не помог, когда начались проблемы с Шилом. Я же в такие игры уже не играл, прекрасно понимая, какие разные бывают люди, и что вполне можно не уметь драться, но быть гораздо полезнее для общества и человечества в целом. Другой вопрос, что и менять мир я не спешил, просто не считал нужным. Я не мессия, спасать собираюсь только себя и своих близких. А там как получится.

Традиционно место для разборок у нас было за спортплощадкой. Мы ее называли коробкой, потому что там действительно из инвентаря было лишь низенькое ограждение поля, летом футбольного, а зимой, соответственно, хоккейного. Однако в СССР к массовому, подчеркну, спорту относились гораздо ответственнее, так что здесь имелся полноценный летний спорт-комплекс, с сеткой, турниками, брусьями и прочим. А главное, хорошо освещенный и в отдаленном месте. Где можно было скрыться от любопытных глаз и порешать свои проблемы.

Сейчас там находилась целая толпа пацанов, азартно галдящих и подбадривающих своих бойцов. С нашей стороны выступал Виталя Чернов, комсорг одиннадцатого «А», с которым я пересекался, когда меня принимали в комсомол. А его противником был рослый, крепкий парень, сейчас обрушивающий град боксерских ударов на Виталия. Видимо, это и был тот самый Разрядник, хотя, судя по тому, что я видел, он и без этого побеждал.

Чернов просто не тянул против опытного боксера, хоть явно сам чем-то занимался. Однако силенок явно не хватало. Но наш боец не сдавался, пытался контратаковать, за что и поплатился. Боксер,ждавшись начала удара, вдруг резко ускорился и выполнил мощный джеб, буквально выстрелив левой рукой в лицо Виталия. Удар такой силы, да еще на встречных курсах, Чернова просто смел, и парень, перевернувшись в воздухе, хряпнулся на спину. Точнее, хряпнулся бы, если бы в этот момент мы с Ромкой, протолкавшись через толпу, его не поймали прямо в воздухе.

– Ну что, закончили с танцами? – Мы уложили побитого комсорга на землю, и я повернулся к боксеру, снимая с себя куртку. – Готов теперь по-взрослому письками помериться? Или ты только детей бить можешь?

Глава 4

Боксеры опасные ребята, умеющие сильно и больно бить. Бокс – это вообще квинтэссенция спортивной научной мысли, облеченная в плоть. Но в этом же кроется его слабость. Потому что на улицах нет правил. И если искусственно ограничить себя в одном аспекте, можно неплохо так огрести.

Сават, в отличие от бокса, возник как раз на улицах и имел практическую направленность. Причем использовал те преимущества, что может дать цивилизация. В частности – прочную обувь, которая защищает ногу во время удара. Что и породило этот стиль, дало ему изюминку. Которая оказывалась очень неприятной неожиданностью для несведущего соперника.

На этом и строился мой расчет. Я уже успел глянуть на припершегося Разрядника, он тянул минимум на КМС по боксу. Но было видно, что это чистый спортсмен. Двигается, бьет, словно на ринге. Даже когда рубанул Чернова, не полез добивать, а остановился, будто так и надо. Так что шансы у меня были, хоть и небольшие.

Все-таки целый ранг разницы давал сибсельмашевцу неслабое преимущество. Впрочем, у меня имелись свои козыри.

– Ну, молись, пацан, – боксер не стал рассуждать и тут же попер на меня, смешно пятясь, словно краб. – Сейчас я тебя-а-а-а!!! Сука!!!

– Сам такой. – Оно, конечно, больно получить по ногам ботинком с металлическим носиком, но обзывать за чем. – Держи добавки.

Второй удар пришелся в грудь, прямо в солнечное сплетение. Жестко, я бы даже сказал, жестоко. Но нефиг было сюда приходить. Тоже мне, бугор на ровном месте. Здесь главная кочка уже занята самой наглой жабой, то бишь мной. А значит, стоит еще добавить, чтобы это все окончательно уяснили. Главное, не переборщить, трупы и инвалиды мне не нужны. Даже учитывая просто фантастический уровень травматической медицины в Союзе. Так что третий удар был каблуком и пришелся точно в лоб задыхающегося боксера. Тот опрокинулся на спину и затих, как и его кореша. А наши, наоборот, взорвались радостным воплем.

– Следующий, – я насмешливо обвел взглядом притихших фазанов, тут же разразившихся бурей криков и возмущений.

– Нечестно!!! Это не по правилам! – Какие правила они нашли в уличной драке, я не знал, но и в диалог вступать не спешил. – Да ты зассал по чесноку биться, исподтишка напал!

– Идите в жопу, все ровно было! – не остались в долгу уже наши. – Как за Разрядником прятаться, так вы герои, а тут вон как завыли. Сами-то зассали раз на раз выйти!

– Это мы-то...

– Харэ базару! – пришлось останавливать свару, пока она не переросла в массовое побоище. – Давайте следующего бойца или валите отсюда на хрен!

Сибсельмашевские загудели, переглядываясь, мол, кто пойдет, но в этот момент, раздвигая остальных, вперед шагнул парень лет двадцати с виду, но в кителе учащегося ФЗО. Или ПТУ, я до сих пор путался, у нас ТАМ «фазанок» уже давно не было. Впрочем, сейчас я меньше всего интересовался этим вопросом. А вот личность противника меня немного нервировала. Начиная с того, что парень был на голову меня выше, заканчивая наколкой «За ВДВ» на кулаке. То есть чувак уже отслужил, и чему его там готовили, учитывая ранг, я слабо представлял. А в том, что передо мной еще один Разрядник, ни капли не сомневался. Не зря же говорили, что у них два бойца. Но, что еще более важно, я был уверен, что именно этот солдат и являлся главным организатором похода. Тупо решил возродить традиции дедовщины на гражданке.

– Че, крутой нашелся? – Вэдэвэшник демонстративно снял китель и размял кулаки, принимая боевую стойку. – Тогда я сам тебе рога обломаю.

Я молча улыбнулся и поманил его пальцем. Драться против второго подряд Разрядника было немного страшновато, но и отступать я не собирался. С боксером мне тупо повезло, однако кто сказал, что мое везение закончилось. А все потому, что я видел, как двигался противник, и сразу опознал, что за стиль он практикует. Там, дома, я бы поставил на ММА, но здесь такого не было. Зато, учитывая службу в ВДВ, можно было с гарантией утверждать, что это боевое самбо.

С точки зрения уличной драки сугубо прикладной стиль самообороны без оружия был гораздо более опасным, чем бокс. Хотя бы потому, что, используя те же удары руками, дополнял их и работой ног, и бросковой техникой. Но, опять же, без своих слабостей тут не обошлось. А все потому, что, как ни крути, самбо являлось лишь второстепенным навыком для солдата. В самом его названии это было ясно сказано. То бишь оно позволяло отбиться от противника, но все же ставка делалась на оружие. Ведь даже энергеты не сражались голыми руками. Техники – это хорошо, однако, когда подкреплены очередью из «калаша», работают они в два раза лучше.

Однако чего у солдат не отнять, так это отработки приемов, пусть даже дают их в крайне ограниченном количестве. Но недаром мудрые говорили, что бояться стоит того, кто один прием повторил десять тысяч раз, а не того, кто знает десять тысяч приемов. По вэдэвэшнику было видно, что драться он умел и любил. И опыта у него хватало. Как минимум он не полез рубиться кость в кость, а принялся кружить за пределами досягаемости, действуя на нервы и вынуждая напасть. Оно и понятно, от обороны работать проще, тем более самбисту. Чего лезть на рожон, когда можно поймать противника за конечность и выдернуть ее из тушки. Ну и так далее. Однако это же дало понять, что с французскими боксерами ему встречаться раньше не доводилось.

Фишка савата – это удары ногами, как тхеквондо, но немного специфические. Здесь бьют носком, в отличие от большинства боевых других искусств, а все потому, что нога надежно защищена обувью. И отсюда же вырастает один очень хитрый нюанс, позволяющий увеличить дальность поражения сантиметров на двадцать. Просто за счет геометрии конечности и стойки. Так что даже если противник четко чувствует дистанцию, но раньше с адептом французского бокса не сталкивался, очень легко можно ошибиться и получить по полной.

Собственно, так и получилось. Сделав вид, что повелся на уловку, я вдруг четко пробил в бедро носком ботинка, заставив «фазана» вскрикнуть от боли и припасть на одну ногу, и тут же вторым движением пробил ему в голову. К чести десантника, от этого удара он закрылся, блокировав руками, но и схватить меня за ногу уже не успел. Как минимум потому, что даже не думал об этом от боли в ноге. И это я еще бил в бедро, как в наименее уязвимую часть конечности. Долбани я по колену или голени, парня можно было сразу увозить в травму. Сават делал упоры на удары ногами, и один из тестов требовал пробить глиняный кувшин, при этом не разбив его. Такое концентрированное приложение силы вкупе с металлическим стаканом в носке ботинок могло служить серьезным оружием. Но к сибсельмашевцу у меня особых претензий не было, чтобы его калечить, пусть даже это была его идея прийти к нам.

– Тебе хватит, или продолжим танцы? – я насмешливо поддел десантника.

– Сука, – тот не оценил юмора, – у тебя ботинки стальные, что ли?

– Титановый стакан в носке, – не стал отрицать очевидное я. – Как раз для таких, как ты.

– Нечестно!!! – тут же заголосили сибсельмашевские. – Так не договаривались!

– Мы с вами вообще никак не договаривались! – я повысил голос, перекрикивая толпу. –

Это вы приперлись к нам с двумя Разрядниками. Причем один минимум КМС по боксу, а другой – детина, отслуживший в ВДВ. А теперь вспомнили о чести, уроды?! Давай, кто не зассал, выходи в круг! Я ботинки сниму и даже без них надеру задницу любому.

– А ты, сморю, слишком правильный стал, а, Чобот? – было бы удивительно, если бы меня не узнали, в одном районе ведь живем. – Сам-то раньше у Каленого шестерил, толпой всех метелили. А теперь подмусоренным стал, да?

– Что ты сказал, сука?! – У меня упала планка, глаза застила ярость, и я резко повернулся на голос, двинувшись прямо на толпу. – А ну иди сюда, ушлепок! На кого я шестерил, падаль? Иди сюда, тварь!!!

– Семен, Сема, стой! – мне в грудь уперлись маленькие ладошки Ленки, а на плечах повис Роман. – Да успокойся ты.

– Отвалите! – Еремина-то я сбросил одним движением, а вот Зосимову побоялся отталкивать, потому что такую мелочь и убить можно ненароком, так что подхватил под мышки и переставил себе за спину. – Чё, сучата, кто там такой смелый базлать на меня был?! Сюда вышел, падаль!!!

– Э, парень, тормозни! – Передо мной появился заметно прихрамывающий десантник. – Ты чего взбеленился?

– Твои ублюдки за базаром не следят! – Ярость кипела в груди, но небольшой заминки хватило, чтобы я взял себя в руки и немного остыл, начав мыслить рационально. – Если еще хоть одна мразь скажет, что я на Каленого шестерил, клянусь, выверну его мехом внутрь.

– Да ляпнули, не подумав, – «фазан» явно не хотел продолжения конфликта и ловко сменил тему. – А что у тебя за стиль? Ногами бьешь типа как в тхеквондо, но как-то странно. Никогда такого не видел.

– Это сават, – я решил не обострять. – Французский бокс. Но в нем тоже большой упор на ноги, обутые в крепкие ботинки. Отсюда специфика. А мои еще дополнительно усилены.

– Это не по понятиям, – набычился было десантник, но я его тут же обломал.

– А я по понятиям не живу, себе их оставь. – Я тяжело уставился в глаза противнику. – Хватит, наелся блатной романтики, что аж блевать тянет. Так что даже не думай мне предьявлять за эту херню. Беспредела за мной нет, у кого есть претензии – готов ответить. Но вот эту муть про понятия мне не лепи. Я по совести живу, что бы там раньше ни было. Понятно?

– Да чего непонятного, – пожал плечами «фазан», – хочешь красную масть тащить – тащи. Твое право. Чего по нашим-то делам решим?

– Вы от наших отваливаете, – я не собирался миндальничать. – Узнаю, что кто-то деньги трясет, ноги сломаю. Надеюсь, понимаешь, что я тебя просто калечить не хотел. А захочешь матч-реванш – милости просим. За мной не заржавеет, еще раз вас напинать.

– Ну-ну, посмотрим, – «фазану» очень хотелось оставить за собой последнее слово, но прозвучало это скорее жалко, учитывая, как он морщился от боли. – Уходим.

– Вот и валите!!! – наши тут же воодушевились, поливая сдувшихся противников насмешками, но, к счастью, за рамки не выходили.

– А ты крут, Чобот, – протянул мне руку пришедший в себя Чернов. – Не ожидал. Думал, что ты так, чисто выпендриваешься.

– Перед кем? – я ухмыльнулся, но руку пожал. – Извини, но становиться школьным авторитетом у меня желания нет. Мои планы куда обширнее. Так что можешь не волноваться за свое место альфа-самца. Только на твоём месте я бы к Сикорской яйца не подкатывал. Оторвет.

– Да больно надо, – Виталья воспринял совет как обозначение моей территории, а мне было лень объяснять. – Ладно, считай, что я тебе должен. Если что – зови. Впишусь без вопросов.

– Заметано! – Я не представлял, чем мне может помочь обычный школьник, но отказываться не стал, мало ли. – Ладно, пошли в школу, а то вон девчонки уже замерзли.

– Это... – тормознул меня комсорг одиннадцатого «А», – может, вмажем? У нас есть.

– Не, я пас, – не то чтобы мне прям совсем не хотелось выпить, но квасить в подворотне из горла, лишь бы было, – это не про меня. – У меня режим, так что сорян. В смысле без меня.

– Ну, как хочешь, – было видно, что мой отказ восприняли с облегчением, видимо, самим было мало.

– Держи, – я снял куртку и накинул на плечи Зосимовой, которую уже изрядно потряхивало. – А то Машка потом мне всю плешь проест, если заболеешь.

– Сп-спасибо, – замерзшая девчонка не стала кобениться, а послушно замоталась в теплую кожу, правда, не забыла пожаловаться: – Тяжелая.

– Это просто ты мелкая, – ляпнул я, не подумав, но тут же сообразил. – Извини. Как говорится, большие женщины созданы для работы, маленькие – для любви. Так что не комплексуй.

– Значит, ты себе маленькую ищешь? – не пойми с чего вдруг задумчиво поинтересовалась Ленка.

– Конечно, чтобы кружка пива... – хотел уже было спохватиться, но одумался и взял себя в руки. – Я вообще девушку пока не ищу. Так, раз-другой погулять еще можно, но отношения начинать рановато. Я еще не нагулялся.

– То есть ведешь аморальный образ жизни, – припечатал меня Ромка. – Все с тобой ясно, Чобот. Как был хулиганом, так и остался.

– Ложь и провокация! – я открестился от злостных инсинуаций. – Во-первых, я сразу ничего не обещаю, так что не надо мне тут аморалку шить. А во-вторых, мы живем в свободном советском обществе, и не надо тут свои мещанские ценности устанавливать. Советская женщина – свободная личность и имеет право делать то, что хочет, если это не противоречит уголовному и административному кодексу. Возраст согласия у нас – шестнадцать лет, то есть государство уже дает добро на любые отношения. Включая самые интимные. Причем, если они перерастут во что-то большее, к этому тоже нет никаких препятствий. Ты, кстати, знаешь, что у нас официально разрешено многоженство?

– Это как? – опешил Еремин. – Бреешь!

– Возьми кодекс и почитай, – я с превосходством уставился на друга. – В нем нет статьи за многоженство. И ни в одном законе или акте не сказано, что жена должна быть одна. В среднеазиатских республиках это вообще норма. Там, правда, по традиции, не больше четырех жен брать можно, а по факту, старшая может и в райком партии пожаловаться, если попытаешься ее на молодую променять.

– Раньше была, – показала внезапные знания Зосимова. – Ее во время войны отменили. Тогда мужиков мало было. Бабушка рассказывала, что, бывало, один вернувшийся с фронта на половине деревни женился.

– А, ну про это я слышал, – сообразил Роман. – А разве потом снова не приняли закон?

– Не. – Я наткнулся на этот факт случайно и нехило так офигел, но, заинтересовавшись, попытался раскопать побольше информации. – Решили зайти с другой стороны. Не ограничивать и плодить безотцовщину, а действовать через партию и комсомол. Продвигать значимость одного партнера и привычной ячейки общества. Так что сейчас, если кто-то захочет жениться на двух девках, с ними сначала будет партком разговаривать. Но в целом если задаться целью, то все возможно.

– А ты, значит, хочешь гарем завести? – снова подколола меня Ленка. – Кобель ты и есть, кобель.

– Вот не надо на меня напраслину возводить, – я сурово цыкнул на ехидную мелочь. – Знаешь, чем на самом деле карается двоеженство? Двумя тещами. А искать сирот мне лень. Да и я уже сказал, пока хочу просто погулять. Рано мне еще о гаремах думать. Дел невпроворот, спать когда не знаю, а тут еще гаремы. Не-не, это без меня. Я лучше вон сейчас пойду, на дискотеке с какой старшекласницей замучу. Чтобы погулять и разбежаться без проблем и обязательств.

– Ну-ну, давай, – расхохотался Еремин. – Так они и пойдут с малолеткой гулять.

– А это как приглашать будешь, – я подмигнул мигом стушевавшемуся другу. – Это ты подкабл... однолюб, от Машки ни на шаг не отходишь. А я птица вольная, куда хочу, туда лечу.

– Ничего, что я здесь? – Зосимова была сегодня на удивление дерзкой, и куда делась такая пугливая стесняшка, которая от меня пряталась за спину Поляковой. – Семен, ты хоть бы постеснялся!

– Чего? – не понял я. – У меня что, ширинка расстегнута?

– Язык у тебя без костей, – вздохнула Лена и скинула куртку мне на руки, однако поблагодарила, впрочем, тут же наехав: – Спасибо. Ты мне танец должен. Нет, два!

– Чой-то вдруг? – я даже опешил от такой наглости.

– За то, что я переживала за тебя, когда с Разрядниками в драку полез! – отрезала мелкая. – А за то, что прятался от меня – идешь провожать до дома! И не спорь!

– Обломались тебе старшекласницы, – жизнерадостно заржал Еремин, а я вздохнул. Все-таки, когда Ленка меня боялась, было жить как-то проще.

Глава 5

– Значит, ты шугалась меня из-за того, что я всем растрепал, что тебя мацал на дискаче? – мне хотелось дать себе же по лбу, но я сдерживался, потому что и сам в этом возрасте был таким же идиотом. – Дела... Извини. Дурак был, хотел казаться крутым, вот и лязгал языком.

– Кому сказать, не поверят, – захихикала Ленка, оказавшаяся далеко не такой тихоней, как я себе представлял, скорее наоборот, что заставляло меня задуматься, а что я вообще знаю о своих одноклассниках. – Чобот извиняется! Надо пометить этот день, чтобы потом не забыть.

– Ладно тебе, – я немного смутился. – Сам виноват, накосячил, значит, обязан извиниться. Это раньше я балбес был, не понимал простейших вещей. Вот и творил лютую дичь. С гопарями вон связался. Но сейчас все, другая жизнь!

– Да уж, – стала серьезной Зосимова. – Сказал бы кто, что ты стихи писать будешь, да какие, ни в жизнь бы не поверила. Надежда Ильинична даже плакала и сразу нас в концерт поставила. А ты же придешь на репетицию, остальные песни послушать?

– Куда я денусь, – мне действительно не особо хотелось идти, да и совесть чутка грызла, но и отвертеться вариантов не было, – конечно, приду. Но только как зритель. Вы и так все сделали по высшему разряду. Ты вообще гений, буквально на коленке написала отличную музыку и аранжировку сделала. И я верю... нет, точно знаю, что все будет на пять с плюсом.

– Спасибо, – Лена потупилась, а потом вдруг захлюпала носом. – Я думала, тебе не понравилось! Ты даже ни разу на репетиции не бы-ы-ыл!

– Лен, ты это... ты чего?! – я от неожиданности опешил и застыл, не зная, что делать, за что хвататься. К такому меня жизнь не готовила. Никогда не умел успокаивать женщин. – Да все мне понравилось! Я и на репетиции не ходил, потому что ничего в этом не понимаю. Думал, что вы сами сделаете как положено. И ведь получилось. Лен, не реви а? Ну хочешь, тресни меня по башке, что ли! Я чурбан бесчувственный, балбес, что поделывать-то.

– Нагнись, – хлюпанье вроде стало меньше, так что я тут же выполнил просьбу. И снова опешил, когда вместо удара меня поцеловали, прямо в губы и погладили по голове. – Точно балбес. Но хороший. Спасибо, что верил в меня больше, чем я сама.

– Дурында ты, – я улыбнулся и взъерошил девушке волосы, облегченно выдохнув и радуясь, что опасность истерики отступила. – А еще меня балбесом называешь. Ты же настоящий талант, я бы даже сказал, гений. Тебе не самокопанием заниматься надо, а творчеством. Станешь великим композитором. Будешь концерты давать в «Ла Скала» и прочих «Гранье». Надо, кстати, у тебя автограф взять, буду потом внукам хвастаться, что с самой Зосимовой в одном классе учился.

– Ты правда так считаешь? – На меня уставились огромные глаза а-ля кот из «Шрека», буквально молящие, чтобы я сказал «да». – Думаешь, у меня талант?

– Слушай, – я тяжело вздохнул. – Я тебе так скажу, если ты бездарность, значит, на этой планете талантливых людей нет вообще. Так что выше нос и больше уверенности в себе. И не бзди, у тебя все получится!

– Фу, Сема! – меня стукнули по плечу. – Взял и в конце все опошил! Вот не можешь ты по-нормальному!

– Ну извини, детка, я такой, какой есть, – я театрально развел руки, потому что видел, что Лена не злится, а выговаривает чисто для порядка, и пропел: – Я ночной хулиган, у меня есть стакан, я похож на маман и я ве-ечно пьян.

– Замолчи! – Зосимова заткнула уши и скривилась так, будто у нее заболели все зубы разом. – Господи, это хуже, чем пенопластом по стеклу! Вот скажи, как, как ты можешь писать такие тексты и при этом абсолютно слуха не иметь?!!

– Запросто, – я поджал плечами. – Бах вон вообще глухим был, и ничего. Его музыку до сих пор играют. Кстати, ты где живешь-то? А то я как-то раньше не интересовался.

– Тут недалеко, – махнула рукой Лена. – На жилмассиве.

– А чего в девяносто вторую не пошла учиться? – удивился я. – Вроде ваш микрорайон к ней относится.

– Мама здесь работает, в ДК Станиславского, – легко призналась девушка. – А у нас в школе ее подруга. Вот и пристроили меня, чтобы под присмотром была.

– Уж не Гульнара ли? – предположил я и, судя по тому, как Ленка отвела глаза, явно попал. – Да ладно, не жмись. Подумаешь, подруга матери. Это все ерунда. Ну помогает она тебе, так просто потому, что опытнее и образование имеет. Музыку же ты сама сочиняешь? Ну вот и не тушуйся. Москва не сразу строилась, будешь и ты сама писать концерты для симфонических оркестров.

– Оркестров, скажешь тоже, – фыркнула девушка, но было видно, что ей мои комплименты понравились, да и успокоилась она. – Нам сюда. Тут ближе дворами.

– Ну, веди, – я район Троллейки знал хорошо, но не лезть же, если дама хочет проявить инициативу. – Сусанин. Только учти, я не поляк, дорогу обратно найду.

Мы шли по ночным дворам, перешучиваясь и смеясь. Несмотря на то, что уже давно стемнело, в городе кипела жизнь. Народ праздновал первомай, из каждого двора неслась музыка и звон стаканов. Многие отмечали прямо на улице, соседи выносили столы, стулья, закуску и садились прямо у подъездов. Иногда возникали ссоры, но это понятно, человек всегда остается человеком. Однако было видно, что народ радуется празднику весны и труда совершенно искренне, всей душой. И неважно, кем ты служишь. Рабочий завода спокойно сидел рядом с главным бухгалтером или кооператором, и никого это не напрягало. Наверно, только ради этого стоило сюда попасть, чтобы почувствовать единение с этой огромной страной и людьми, ее населяющими.

– Вот сейчас эти два дома пройдем, и будет мой, – указала рукой Лена. – Тут близко, я сама...

– «Я сама» – это такая передача... – снова не подумав, ляпнул я, но вовремя спохватился, здесь по телевизору просто не могли транслировать такое. – Ну, про уборку. Видел как-то, не помню, на каком канале. А тебя я провожу до двери, раз взялся. Знаешь, чем мужчина от мальчика отличается? Нет, не размером пиджака, а тем, что всегда держит слово.

– Фу, пошляк, – сморщилась девушка, но не обиделась, а наоборот, крепче прижалась к руке, заставив меня сильно удивиться. – Знаешь, насчет того, что ты говорил про симфонический оркестр. Я все кручу в голове твои слова про духовые, и знаешь...

– Ах ты сука!!! – досказать мысль ей не дал вопль из кустов, а следом за ним оттуда показалась бухая компашка из трех парней. – Изменяешь мне, мразь? Шлюха!!!

– Пасть завали, алкаш! – не осталась в долгу девочка-припевочка. – Ты мне кто, чтобы я тебе изменяла?! Никто! Понял?!!

– Твой бывший, что ли? – я с интересом наблюдал за приближением трех тел, выписывающих противоторпедные маневры. – Серьезно?!

– Мы в лагере познакомились, – смутилась Зосимова. – Ну и задружили. А потом Васька начал мало того, что прибухивать регулярно, так еще и руки распускал. Потом прощения просил, говорил, что ревнует, мол, сильно. Но я решила, хватит. И еще до Нового года его бросила, веришь?

– Да почему нет, – я пожал плечами и осторожно освободился из цепких лапок. – Секунду постой, пойду объясню, что нехорошо девушек оскорблять.

– Не надо, Сема! – попыталась повиснуть на мне Ленка, но я легко ускользнул и шагнул навстречу кунакам влюбленного джигита. Те, как и сам брошенный хахаль, разводиться полетесы не собирались и начали с того, что дали мне в морду. Ну как дали... попытались.

– Ха-а-а! – добравшийся первым атаковал с богатырским замахом и не менее богатырским выдохом, обдавшем меня непередаваемым ароматом сивухи и плавленого сырка «Дружба».

Увернуться от подобного удара было не просто, а очень просто. Да если бы он по мне попал, Михалыч на ближайшей же тренировке с меня бы шкуру спустил. Но и бить в ответ я поостерегся, ну как минимум ногами. Это тебе не разрядников пинать, тут и все кости переломать несложно. Но сават это не только удары ногами, не зря же он зовется «французским боксом». Так что, поднырнув под руку противника, я вlepил ему смачную оплеуху прямо в челюсть, и кунак отправился отдыхать.

Мгновенное поражение товарища не остановило жаждавших расправы бухариков. Брошенный любовник Вася взвыл и кинулся вперед, наклонив голову, словно пытался меня задать. Может, считал, что раз ему наставили рога, это надо использовать, но вышло так себе. Я просто шагнул в сторону и придал дополнительное ускорение телу пинком в задницу. Причем бил боком, а не носком, пожалев дурака и не став его калечить. Но даже так эффект оказался, что надо. Васян буквально полетел вперед и рухнул в кусты, такие же, как те, из которых он выполз, но на другой стороне тропинки.

Оставшийся в одиночестве последний кунак боевого духа не растерял и тоже попер в атаку. Может быть, потому что все слишком быстро происходило и сориентироваться просто не успел, но, честно говоря, мне было плевать. Был бы поумнее, вообще бы в драку не полез, а раз ввязался – так получай, как все. Его я приголубил ребром ладони по шее, без труда зайдя за спину. В классической школе савата такие удары любили и практиковали, а мастера могли и зубы повышибать одним тычком. Я себя мастером не считал, но тем не менее технику нарабатывал на каждой тренировке, так что последний боец тут же лег отдохнуть.

– Цела? – я оглядел поле боя и направился к Лене. – Видишь, уже все закончилось, а ты боялась.

– А они живы? – Зосимова тревожно обвела взглядом поверженных бойцов. – Ты их не убил случайно?

– Живы, – отмахнулся я. – Бью сильно, но аккуратно. Ты сама-то как, в порядке? Не испугалась?

– Неа, – девчонка задорно улыбнулась. – Наоборот, мне понравилось. Впервые за меня пацаны друг другу морду бьют.

– А ты коварная! – я по-другому взглянул на Зосимову. – И откуда что берется. Ладно, пошли, соблазнительница, провожу тебя, пока бывший не очнулся.

– Пошли, – Лена снова взяла меня за руку, а потом, словно после раздумья, продолжила: – То, что он говорил, – это неправда. Я не такая. Я только с ним и гуляла.

– Лен, честно, – перебил я девчонку. – Мне пофиг, что он там нес. Ты достаточно взрослая и вполне можешь самостоятельно принимать решения, с кем, когда и чем именно заниматься. А такие вот уродцы, они чаще всего проецируют на других свои косяки. Он же тебе изменял? Только честно?

– Мы из-за этого и расстались, – опустила глаза Лена. – Я его с другой девчонкой застукала, они в кино ходили. А Вася стал все отрицать, а потом меня же и обвинил, что, мол, это я в кино с другим ходила. И драться полез. Ну я тогда его и бросила.

– И правильно сделала, – кивнул я. – А по-хорошему, ему надо было бы рыло начистить. И не как я сейчас, а чтобы мозги на место встали. Если будет опять к тебе лезть, сразу мне говори, я проведу воспитательную беседу, с помощью кулака и доброго слова. Будет как шелковый.

– Договорились, – засмеялась девчонка, а потом вдруг замялась. – Вот мой подъезд. Это... Сем... может, зайдешь чаю попить?

– Кхм-кхм... – я даже воздухом подавился от столь неожиданного предложения. – Лен. Как бы это... не то чтобы я против, и все такое. Но... ты хорошая девчонка, и я не хочу тебя

обижать. Я не собираюсь в ближайшее время с кем-то встречаться, а просто так... это же не твой стиль.

– Ой, да что ты обо мне вообще знаешь? – ничуть не смутилась мелкая зараза. – То же мне знаток стилей. Я тоже не собираюсь встречаться пока, у меня вон дел невпроворот. Но иногда отдыхать тоже надо, тем более это для здоровья полезно, нам на уроках полового воспитания говорили.

– А у нас что, такие уроки есть?! – сказать, что я опешил, значит ничего не сказать. – Серьезно?

– Точно, тебя же оттуда выгнали! – рассмеялась Ленка. – Ты на первом занятии так выступил, что Нина Петровна выставила тебя за дверь и велела больше не приходить. А последние три недели она в декрет ушла, и занятий не было, тем более что это факультативный курс и экзамены мы не сдаем.

– Блин, забыл совсем, – я почесал затылок. – Просто из головы вылетело.

– Оно и понятно, – усмехнулась Зосимова и дернула меня за рукав. – Так что, идешь? Мама с папой на дачу укатили, сестра с подругами в общаге отмечают. Дома никого не будет. Блин, Чобот, ты человек вообще? Думаешь, мне так просто было тебя позвать? Да я от стыда сгораю, а он ломается!

– Пошли, – сдался я, вспоминая, а есть ли у меня положенные аксессуары к чаю. – Вот от кого не ожидал, так это от тебя. Недаром говорят, в тихом омуте черти водятся.

– Просто заткнись, – все-таки Лена не выдержала и залилась краской с головы до ног. – И шевели ногами, пока нас все соседи не рассмотрели. И так, поди, матери потом все расскажут.

– Так, может, не надо? – засомневался я, но все же послушно шел за девчонкой, поднимаясь на нужный этаж. – Зачем тебе неприятности?

– Ты сам сказал, я взрослая и сама буду решать, с кем и когда, – отмахнулась та. – А от мамы у меня секретов нет. Она и про Ваську знала. Так что разберусь. Только, пожалуйста, не считай, что это за песни. Ты мне правда нравишься. Ну, не совсем-совсем, но достаточно, чтобы это...

– И в мыслях не было, – открестился я, хотя что-то такое в мозгах проскальзывало. – Я же сказал, что не считаю тебя легкомысленной. И ты мне тоже нравишься. Не настолько, чтобы встречаться, но провести время к обоюдному удовольствию я только за.

Лена промолчала, еще сильнее покраснев, и отперла дверь. Следующие два часа пролетели незаметно. Ну, или сколько там было, я не засекал, как и положено счастливому человеку. Черти в омуте у Зосимовой оказались лощеные, откормленные, так что мне понадобилась вся сноровка из прошлой жизни, чтобы не ударить в грязь лицом. При этом было видно, что девочка неопытная, просто решила сегодня позволить себе всё. Вообще всё. Пришлось контролировать и направлять, не давая навредить себе, но в целом все получилось весьма замечательно. И, оставив уставшую, но довольную красавицу отдыхать, я тихонько свалил, а то знаю я эти ночевки. Если не родители, так сестра припрется с утра, и докажи, что ты не верблюд. Женить, может, не женят, но нервы все вымотают. Так что я предпочел ночевать дома, но, когда вышел из подъезда, меня ждал сюрприз.

На лавках, потягивая пиво и портвейн, расположилась компания, человек в десять-двенадцать, а среди них нашелся и влюбленный джигит с кунаками. Правда, судя по пришибленному виду и тому, что им не наливали, положение у ребят было не самым высоким. Да и по возрасту остальные их превосходили. Навскидку, большинству было около двадцати плюс-минус пара лет. Скорее это выглядело так, будто старший брат привел своих пацанов разобраться с обидчиком младшего.

– Оп-па, кто тут у нас, – при виде меня компания затихла, а затем подал голос один, похожий на Васяна. – Эй, молодой, сюда ходи!

– Нах... иди, – я не остался в долгу. – Я тебе не шавка по команде бегать. Есть что спросить, подойди сам.

– Да ты попутал, гнида! – начал подниматься со скамейки говорливый, но в этот момент сосед схватил его за плечо.

– погоди, Михась, остынь, – смутно знакомый парень встал и прищурился, вглядываясь в темноту, которую лишь слегка разгонял фонарь у подъезда. – Чобот, ты, что ли?

– Я, – скрываться я не собирался, да и этого пацана вспомнил, по рыжим волосам, точнее, вспомнил его погремуху. – Здорово, Ржавый. Меня, что ли, караулите? Совсем себя не бережете.

– Слышь! – снова попытался восстать родственник Васяна, но его снова оборвали.

– Да погоди! – Ржавый явно был в курсе моих походов и не горел желанием связываться. – Чобот, тут такая ботва. Васька говорит, ты с его девкой мутишь.

– Передай своему Ваське, если он еще раз пасть свою откроет, я ему язык вырву. Я могу, ты знаешь. – Я распахнул куртку, демонстрируя значок Юниора. – А если Ленка мне пожалуется, что и дальше пристаёт, – переломая ноги, будет на лекарства работать.

– А не много на себя берешь? – родственник, поняв, что они нарвались на кого-то, кто им не по зубам, посмурнел, но все равно отступить не собирался. – Не по понятиям...

– Вы задолбали с этими понятиями, – на этот раз его перебил я сам. – В задницу их себе засуньте. Я по совести живу. А по ней, твоему братцу надо было руки переломать в тот момент, как он в первый раз их на девчонку поднял. Особенно после того, как сам на косяке попался. Я уже не говорю о том, что нападать на парня с девушкой тупо запахло. Или, скажешь, нет? Ленка его бросила давно и правильно сделала. Да и братец твой извиняться не спешит, ему удобнее квасить с друганями. Так что идите в пень, косяков за мной нет ни по понятиям, ни по жизни. А если не согласны, давай сейчас все решим. Хоть по одному, хоть всей толпой, если по-другому не можете. А то всего десяток человек привели, видать, так страшно было.

– Завязывай, Чобот, – поморщился рыжий. – Мы тут сидели просто, а как Васька прибежал, вместе и двинули. Нам-то он наговорил, что ты сам задираешься, но если ты с девчонкой был, то вопросов нет. Да и драться с Юниором дураков нема, тем более с тобой. Правду говорят, что ты Каленого завалил?

– Врут, – я поморщился, а когда пацаны чуть расслабились, добавил: – Я ему только перо в горло вогнал, а завалили менты. Маслину в голову всадили. То еще зрелище, надо сказать.

Такого парня не ожидали и замерли, словно их пыльным мешком огрели. Особенно ошалел Вася, уже немного протрезвевший и пожалевший, что вообще со мной связался. Ленка ему была в принципе не особо и нужна, по крайней мере, с ее слов, мириться он даже не пытался и лишь по пьяни выступал, мол, ты моя, и точка. Да и то дальше слов дело не шло, хватило одного обещания заявить в милицию. А тут портвейн слишком сильно на мозги даванул, вот он и решил выпендриться, а теперь жалел, но отступить не мог, и так брат дома взбучку устроит за вранье о том, что это на них напали.

Все это я буквально читал у него на лице, как, впрочем, и на мордах остальных. Кто-то про меня что-то слышал, все-таки район один, и живу я не так уж и далеко. Кого-то впечатлили последние фразы, так или иначе, но желание драться пропало у всех. Да его и не было особо, разве что у брата Васяна. Но и тот, поняв, что младший сам накосорезил, и впрягаться за него никто не будет, не спешил начинать месилово. Впрочем, у меня тоже было добродушное настроение, так что я решил дать парням возможность сохранить репутацию.

– Ладно, мужики, – я запахнул куртку и демонстративно поежился. – Пойду я, а то рано на тренировку вставать. Если есть вопросы – забивайте стрелку, порешаем. Ржавый, у тебя мой номер есть? Вот и ладушки, маякнешь, чё как. Ну, бывайте.

И гордо удалился под взглядами двух дюжин глаз. Утром на самом деле нужно было на тренировку, даже праздники для Михалыча не были причиной устраивать выходные. Там же меня

ждало свидание с прекрасной Анастасией и ее шокером. Надо сказать, впервые в жизни меня пугала встреча с красивой девушкой, но и отказываться от нее я не собирался. Варварский метод уже начал давать свои плоды, я потихоньку учился контролировать сатори, а значит, можно было и потерпеть. Чай, не развалюсь, не сахарный.

Глава 6

Утро встретило меня уже немного набившей оскомину «Пионерской зорькой», но, с другой стороны, под нее проспать еще ни разу не получилось. Привычная десятикилометровая пробежка на максимальной скорости закончилась разминкой, а затем визитом к Михалычу. Точнее, к Анастасии и ее пыточному инструменту. Полчаса, и я выжат как лимон. Что не помешало Выгорскому еще полчаса гонять меня как сидорову козу по различным полосам и лишь потом отпустить, мол, иди отдыхай, праздники все-таки. А вот дома ждал сюрприз, в виде суетившейся мамы, нарядившейся в какое-то старье и доставшей резиновые сапоги. В коридоре лежали грабли, тяпка и топор, обмотанные тряпками, чтобы никого не поранить.

– Семушка, успел, думала, без тебя уеду, а взял ты ключи или нет, не знаю, – мама села на табурет, перебирая что-то в большой сумке. – Садись завтракать, я блинов напекла. Со сметаной и вареньем, как ты любишь.

– Блины! – я быстренько помыл руки и кинулся за стол, ибо жрать хотелось просто зверски, тут же набив рот горячим тестом. – Фкуфняфина! А фы... ты куда намылилась с утра пораньше?

– Да на дачу хочу съездить, траву прошлогоднюю хоть убрать, а то перед соседями неудобно. – Мама подумала и, достав из холодильника шмат сала, положила его в сумку. – И так ничего не садим, а сорняки-то лезут. Не по-человечески это, людям вредить.

– У нас что, дача есть?! – я выпал в осадок, застыв с блином в руке. – Серьезно?

– Ты чего, Сем? – удивленно уставилась на меня мама. – Забыл, что ли? Еще от бабушки осталась. Мы, правда, там редко бываем, в основном я весной и осенью езжу, траву убираю, а тебя так и не выгацишь, но участок есть. Коля, правда, уговаривал его продать... ой... Семушка...

– Все нормально, мам. – Я усилием воли заставил себя разжать кулак, но улыбаться не стал, боясь, что это будет скорее оскал. – Правильно сделала, что не послушала этого мудака. И забудь уже о нем. Все, нет его, был и сплыл. Больше тебя никто и никогда не тронет. Я обещаю.

– Конечно, Семушка, конечно, – зачастила мама. – Все у нас хорошо будет.

– А хочешь, я с тобой съезжу? – вдруг у меня возникла идея. – Чего ты сама будешь там корячиться, когда такой здоровенный лоб рядом?

– Ой, да не надо, – попыталась отказаться та. – Я потихоньку-полегоньку управлюсь да вернусь.

– Вот вместе и управимся, – отмел все возражения я. – Так, найди мне вещи для работы, я пока в душ схожу, а то после тренировки мокрый как мышь. Переоденусь, и поедем. Посвятим день труду, раз уж у нас праздник весны и труда. Можно в магазин зайти, сосисок взять и там на костре пожарить. Будет пикник... ну, это по-английски так выезд на природу называется. Правда, у них там и природы-то нормальной нет, не то что у нас в Сибири.

Сказано – сделано. Да и мама отнекивалась скорее рефлекторно, чтобы загладить неловкость момента. Да, меня бесило, когда она вспоминала Каленого, но надо признать, делала она это чаще всего в негативном ключе, так что я старался сдерживать характер. Да и сама мама после всего случившегося старалась об этом убудке лишний раз не говорить, но иногда прорывалось. Из песни слов не выкинешь, как говорится. Так что приходилось с этим жить. Но я уже дал себе зарок, что постараюсь перебить память об уроде новыми яркими впечатлениями. Тем более что сделать это было несложно, не так уж много мама видела в своей жизни. А сейчас появился шанс пожить для себя.

Первым пунктом плана у нас было метро, и вот тут я словил очередной шок. За те две-три недели, что я находился в этом мире, мне как-то не доводилось пользоваться подземкой. Вся активность проходила в пределах нашего района, на тренировки через мост я предпочитал

бегать, а мой альтер эго воспринимал метро как что-то само собой разумеющееся. Ну, есть и есть. Я же еще при входе залип у карты, пытаюсь сообразить как! Ну как они это сделали?! И почему у нас за срок на сорок лет больше не смогли осилить даже десятой доли! Хотя, в принципе, ответ был очевиден.

Там, у нас, всем было плевать на людей. Те несколько станций, что все-таки с горем пополам открыли за это время, были запланированы еще в семидесятых. Я не вру, видел план развития метрополитена, где были заложены не две, а четыре ветки, соединяющие отдаленные районы города. Но здесь, в советском Новосибирске образца 2010 года, этот план не просто выполнили, а перевыполнили с огромным запасом!

Как вам прямая ветка с улицы Титова до Снегирей и еще дальше аж до Пашино? А от Октябрьской до Кольцово не желаете прокатиться, там пересесть на другую ветку и добраться до Академгородка? Или от площади Станиславского смотаться в Кудряши? Да я только от названий минут десять глазами лупал!

Правда, справедливости ради надо было признать, что часть веток, особенно за городом, все-таки шла по поверхности, но, на мой взгляд, это было абсолютно правильное решение. Оно позволяло сэкономить огромные средства и при этом связать удаленные районы с центром. Может быть, поэтому город рос гораздо быстрее и уже стремительным домкратом приближался к цифре в пять миллионов жителей. Хотя тут явно будет спор а-ля яйцо или курица, который, как по мне, особого смысла не имеет. Развитие города без транспортной сети невозможно, равно как и эта самая сеть развивается по мере роста населения агломерации. Вопрос лишь в том, насколько власти заинтересованы в обоих процессах. Вот тут я видел, что люди у них стояли на первом месте, что не могло не радовать.

– Сем, ты чего завис? – толкнула меня в плечо мама и сунула пятак. – Поехали, а то весь день потеряем.

Я кивнул и отлип от карты. Ехать нам предстояло за Васхнил. Еще одно направление, раньше никак не развивавшееся. А сейчас по этой ветке можно было добраться до Шлюзов, что дало огромный буст к развитию территории, потому как места там были замечательные. Река, море, дамба, красота. По берегам сплошные дачные поселки и садоводческие товарищества. В моем мире эта зона была сплошняком застроена коттеджами. А чего, кто откажется жить в своем доме, но в черте города. Да еще фактически в лесу, потому что там оставили приличный массив, отрезающий поселки от сплошной городской застройки. Лепота! И становилось понятно, почему сука Каленый уговаривал мать продать дачу. Стоить она даже здесь должна весьма прилично.

Новые станции метро оказались по-советски красивыми. Это не преувеличение, бывал я и в Нью-Йорке, и в Париже, специально заходил посмотреть. Потом ночами вздрагивал. Грязь, вонь, бомжи и крысы. А здесь прохлада, красота и благолепие. И легендарная мышь с вязанием, я чуть не прослезился, увидев мозаику на станции Васхнила. Вот могут же, а! Недаром здесь работала знаменитая Алиса Селезнева, точнее, актриса, сыгравшая ее в фильме. Она, кстати, тут тоже была, точнее, ее портрет. Как положено, юная, красивая и в пионерском галстуке.

Автобусы в сторону дачных поселков ходили регулярно, и вот тут меня отпустило. А как иначе, если передо мной стоял легендарный ЛИАЗ «Луноход», причем весьма потрепанный жизнью. Справедливости ради надо сказать, что тут имелись и новые модели, незнакомые мне от того же ЛИАЗа, ПАЗа и даже КвАза, но все же лупоглазых старичков было больше. В него мы и втиснулись, стараясь никого не задеть граблями. Получалось так себе, но с учетом того, что и другие пассажиры были при оружии, так сказать, никто не обижался. Сейчас тебя рукоятью ткнули, потом ты отомстил, поставил канистру на ногу обидчику, и в расчете.

Мама хотела сама кинуть монеты за билет, но я не позволил. Дома я подобное не застал, но всегда мечтал прокомпостировать билет, так что сам закинул деньги в прозрачную коробку, отмотал два билетика и прилежно клацнул компостером. И вроде лет уже столько, а на душе

прямо посветлело. Особенно когда оказалось, что один из билетов счастливый. Не то чтобы я в это верил, но, как говаривал Нильс Бор, это помогает и неверующим.

Ехать пришлось довольно долго, я даже не ожидал, зато вдоволь насмотрелся на дачные домики. И сделал вывод, что коттеджей новых русских здесь можно не ждать, но и хибар, сколоченных из чего бог пошлет, тоже. Короче, полный контраст с моим родным миром, где зачастую соседствовало и то и другое. Или, точнее, наверно, правильно будет говорить, старым или прошлым миром. Ведь чем дальше, тем больше я ощущал себя дома, на месте. Будто тут и жил предыдущие шестнадцать лет, а все остальное мне действительно приснилось. И это мне нравилось.

– Сколько соток у нас? – Я в который раз за день стоял в полном обалдении перед заброшенным участком, заросшим травой, и не мог сообразить, где именно наша земля. – Только не говори, что...

– Да это наше место, – кивнула мама. – Тут раньше деревня была, дом наш стоял, но сгнил уже давно, как бабушка умерла. Мне тогда пятнадцать было. Дом лет двадцать назад соседи на дрова распилили, чтобы пожара не было. А земля так и стоит пустая. Я документы на нее оформила, как на дачный участок, тогда как раз на месте деревни товарищество сделали. Двадцать пять соток вышло.

– Сколько?! – я вытаращил глаза, ибо для меня, привыкшего к жалким клочкам соток в шесть, это казалось просто невозможным. – Откуда столько?!

– Так всем давали, – мама пожала плечами. – Это я еще половину нормы взяла. Нам с тобой больше и не надо, картошку там посадить, морковку, лучок. А люди и по пятьдесят брали, и по гектару. Правда, его давали только тем, кто сады заводить думал, да проверяли потом. Но люди брали, даже у нас вон сколько.

– Ага, – я повертел головой, разглядывая густые кроны яблонь у соседей. – Понятно.

Мне действительно становилось ясно, что именно произошло и откуда такое изобилие продуктов в магазинах, причем не только банальных овощей, но и фруктов по бросовым ценам. Раньше-то я грешил на энергетов, мол, раз мамонтов вырастили, значит, и яблоки на Северном полюсе не проблема. А разгадка оказалась куда проще.

Нет, свою руку одаренные селекционеры тоже приложили, иначе разные нежные фруктовые деревья в нашем климате просто не прижились бы. Да и картоха, устойчивая к болезням и вредителям, тоже лишней не была. Но главной причиной было не это. Просто здесь в истории не случился Никита Хрущёв, так и оставшийся лишь региональным функционером и которого быстро задвинули и сняли с должности за троцкизм. Вот у людей и остались приусадебные участки, которые в моем старом мире этот мудака просто взял и отнял.

И никто не заставлял сажать кукурузу, категорически не подходящую нам по климату, вместо картошки, за короткое сибирское лето дающей достаточный урожай, чтобы и прокормить семью, и скотине оставалось вдоволь. И не только сельские могли прокормить себя сами, но и городские жители, массово получавшие участки в собственность. Голод отступил, появились излишки. Цены стали падать, но при поддержке государства это было не критично для колхозов и сельских артелей. Зато сказало на рабочих, которые уже не хотели горбатиться на дачах ради банальной картошки в свободное от работы время и начали массово сажать плодовые деревья и кустарники. Даже двадцати пяти соток хватало на небольшой сад. А это свои яблоки и груши, и малина с клубникой, да еще много чего.

Один факт потянул за собой другие, и итог оказался разительно отличающимся. Может, именно поэтому здесь Союз крепко стоял на ногах, даже не думая шататься. Люди сыты, одеты, обуты. Есть работа, уверенность в завтрашнем дне. Чего еще желать? Может, зря я все это затеял с соцсетями и прочим? Может, и не надо все это советским людям? Я тяжело вздохнул и взялся за тяпку. Лучше всего дурные мысли изгонять тяжелым физическим трудом. Вот и займусь этим.

– Здравствуйте, соседи! – Мы едва осилили десятую часть, когда из-за забора показалась женская голова. – А я смотрю, ты, Валюш, это или не ты. Думала, неужели продала кому дачу-то. Парень-то незнакомый. Еле-еле Семена узнала. Я ж его совсем еще маленьким последний раз видела, вот таким. Под стол пешком ходил.

– Людмила Никаноровна? – удивилась мама, но улыбнулась в ответ. – Здравствуйте. С праздником. Мы это, кто ж еще. Земля-то от матери память, тут дом наш стоял, куда я ее дену. Вот приехали порядок навести, пока выходные.

– И то правда, – женщина лет пятидесяти вышла из неприметной калитки и подошла к нам. – Нет, но как Сема-то вымахал. Жених прям. Сколько ему?

– Здравсьте, – не люблю, когда обо мне говорят в третьем лице, хотя я рядом стою. – Шестнадцать.

– Здравствуй, здравствуй, – улыбнулась женщина. – Ой, да ты меня, поди, и не помнишь. Мы с твоей бабушкой соседями были, а когда ты маленький был, гостил у нас, как в деревню приезжали. Мы и картошку вместе сажали, и копали тоже всем скопом. Помню, все соседи собирались, и кто раньше тут жил, и новые кто. Помогали друг другу, потом костры жгли, песни пели. Весело было.

В это я охотно верил. Советские люди помогали друг другу абсолютно бескорыстно и охотно, а уж семье, где из мужчин всего один пацан от горшка два вершка, сам бог велел. Ну, или кодекс строителя коммунизма, кому что ближе. По сути, если разобраться в базовых установках, одно от другого слабо отличалось. Другой вопрос, как их толковать, а вот там находилось огромное поле для манипуляций. Вот тот же протестантизм взять, как вывернули-то? Вроде призывают к аскезе и покаянию и при этом поддерживают накопление капитала почти в любом виде. Эксплуатируешь других, чтобы заработать – значит, угоден богу. А что рабочих ты при этом грабишь, так они сами виноваты, плохо верят, вот им бог и не помогает.

– Чего мы стоим, пойдете к нам. Посидим, чаю попьем, – вдруг засуетилась Людмила Никаноровна. – Я как раз пирогов напекла. С яблоками, с печенью, с капустой. Идемте!

– Спасибо, – покачала головой мама, – но у нас работы невпроворот. Вроде только начали, а время уже к двенадцати. Боюсь, не успеем за сегодня.

– Ой, Валюш, да брось ты, – отмахнулась соседка. – Сейчас покушаем, внуков кликну, мигом все сделают. Семка вон какой здоровый вымахал, да мои оболтусы. А мы посидим, поговорим, а то сто лет тебя не видела. К вечеру баньку истопим, попаритесь, сполоснетесь.

– Да неудобно, – смутилась было мама, но я уже подцепил ее под локоть и повел к калитке.

– Конечно, давайте, – не то чтобы мне хотелось в гости, но возможность для мамы отдохнуть в комфорте я упускать не собирался. – Посидите, пообщайтесь. А я и сам справлюсь.

– Да брось, – Людмила Никаноровна была настроена решительно. – Сейчас пообедаем, у меня как раз борщ поспел, а потом ребята тебе помогут. Все равно без дела сидят, дурью маются. Хоть делом займутся.

Отказаться у нас вариантов уже не было, и через пять минут мы сидели за громадным столом, рассчитанным на большую и дружную семью. И таковая имелась. У Людмилы Никаноровны и Дмитрия Трофимовича имелось двое детей, сын и дочь, и аж восемь внуков, по четверо на нос. Дети, дядя Коля и тетя Света, мать быстро вспомнили, поохали, пообнимались, познакомили со своими вторыми половинками и зацепились языками. А я попал под прицел восьми пар любопытных глаз.

Хотя справедливости ради надо сказать, что половина детей быстро отвалилась в силу возраста. Малолеткам, может, и интересно посидеть с почти взрослыми братьями да сестрами, но их быстро шуганули, оставив лишь самых возрастных. Их тоже набралось как раз четверо, самая старшая, Маша, училась на втором курсе педа, а Алик, младший из компании, заканчивал восьмой класс. Еще двое, Зоя и Александр, оказались моего возраста.

В общем, разброс небольшой, так что общий язык мы нашли быстро. Тем более что ребята оказались шустрые на подъем и без проблем вызвались мне помочь. Так что, перекусив вкуснейшим борщом и не менее шикарной кулебякой, мы с молодежью навалились на сорняки, буквально за несколько часов приведя участок в достойный вид. И пошли топить баню. Мама со старыми знакомыми в честь встречи и праздника труда накатила красненькой, отпускать ее никто не собирался, да я и сам был не против попариться. В этой жизни я еще в настоящей бане не был и собирался сегодня наверстать упущенное.

Глава 7

Закончили мы быстро. А что, пятеро здоровенных лбов – это не я один, ведь в СССР даже девушки не чурались грязной работы. Так что мы шустро порубали и сгребли старые засохшие сорняки, собрали мусор, все это свалили в огромную кучу и подожгли. Смотреть на незапланированный костер тут же прибежали малые, да и другие соседи то и дело заглядывали узнать, а что за кипеш происходит. Некоторые маму помнили, некоторые нет, но было видно, что наше появление привнесло в жизнь дачников некоторое разнообразие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.